
НѢСКОЛЬКО СВѢДѢНІЙ О НРАВСТВЕННОМЪ СОСТОЯНІИ ДУХОВЕН- СТВА ОТЪ II ПО VIII ВѢКЪ.

(Окончаніе).

Идеаль пастырскаго служенія на Востокъ и Западъ.—Восточный идеаль, начертанный Іоанномъ Златоустомъ и Григоріемъ Богословомъ, его возвышенность и многосторонность, вообще привлекательность; Западный идеаль, его черты, его свойства—виѣшность, мелочность и излишняя аскетичность.—Общія свидѣтельства о нравственномъ состояніи духовенства цвѣтущаго времени въ жизни церкви. Подробное изображеніе нравственнаго состоянія восточнаго духовенства за IV вѣкъ Григоріемъ Богосл. и другими писателями; подробное же изображеніе того же состоянія Западнаго духовенства за IV вѣкъ бл. Іеронимомъ и другими латинскими писателями.—Изображеніе нравственнаго состоянія духовенства за V вѣкъ, въ особенности константинопольскаго, малоазійскаго, египетскаго и сирійскаго, главнымъ образомъ по разнымъ соборнымъ актамъ:—примѣръ нравственнаго состоянія духовенства тогоже вѣка въ одной захолустной церкви (по письмамъ св. Исидора Пелусіота).—Общія замѣчанія о нравственномъ состояніи духовныхъ лицъ, жившихъ или одиночками, или коммунарно (въ конвиктахъ).—Причины невысокаго нравственнаго состоянія духовенства: пастырство перестаетъ быть призваніемъ, а начинаетъ быть средствомъ къ жизни,—сужденія Златоуста о причинахъ нравственнаго упадка духовенства и разборъ ихъ,—невнимательный выборъ лицъ на служеніе церкви, отчего это зависило,—упадокъ уваженія въ обществѣ по отношенію къ пастырямъ, въ чемъ оно выражалось, его печальныя послѣдствія.—вредное вліяніе испорченной византійской атмосферы,—мнѣніе о неблагоприятномъ вліяніи латинскихъ школъ на воспитаніе нравственнаго характера восточнаго духовенства, замѣчанія по поводу этого мнѣнія.—Краткое описаніе нравственнаго состоянія духовенства отъ VI по VIII вѣкъ, на Западѣ (свидѣтельства Григорія Вел. и вѣкторыхъ западныхъ соборовъ), а также и на Востокѣ (свидѣтельства соборовъ и Теофановой лѣтописи, суровый отзывъ одного писателя середины VIII вѣка).

Переходимъ къ очерку нравственно-общественной жизни пастырей церкви отъ IV-го по IX вѣкъ.—Церковныя правила,

нужно сказать, не начертали для своего времени опредѣленнаго идеала пастыря церкви. Эти правила выражали свои требованія въ слишкомъ общихъ чертахъ. Наприм., Василиій Великій въ одномъ своемъ каноническомъ посланіи говоритъ: „по обычаю, издревле водворившемуся въ церквахъ, служители церкви пріемлются по испытаніи со всею строгостію, и все поведеніе ихъ прилежно изслѣдуется: не злорѣчивы ли они,—не піяницы ли,—не склонны ли къ ссорамъ,—учились ли въ юности, дабы могли совершать святыню. Василиій поручаетъ испытаніе будущихъ клириковъ конвенту, въ которомъ сообща жили пресвитеры, діаконы и кандидаты на священническія и церковныя должности ¹⁾. Но понятно такія замѣчанія о достоинствахъ пастыря недостаточно рисуютъ идеаль пастыря, какъ понимали его въ церкви съ IV вѣка. Однакожь мы не лишены возможности ознакомиться съ этимъ идеаломъ.

Лучшіе изъ церковныхъ писателей этого времени носили въ своей душѣ самый опредѣленный и при томъ высокій идеаль пастыря церкви и отпечатлѣвали этотъ идеаль въ своихъ сочиненіяхъ. Познакомимся же прежде съ этимъ идеаломъ, а потомъ посмотримъ, каковыми были пастыри въ дѣйствительности.

Для восточной церкви идеаль нравственно-общественнаго служенія пастыря начертанъ въ сочиненіи Златоуста: „Слова о священствѣ“ и отчасти въ твореніяхъ Григорія Богослова. Вотъ требованія, какія предъявляетъ Златоустъ въ отношеніи къ нравственной жизни пастыря. „Такъ какъ священнослуженіе совершается на землѣ, но по чиноположенію небесному, то совершитель этого служенія долженъ быть настолько чистъ, что какъ бы онъ стоялъ на небѣ посреди небесныхъ силъ“ ²⁾. Обязанность священника требуетъ отъ него „ангельскаго совершенства“, почему „священникъ долженъ имѣть душу чище самыхъ лучей солнечныхъ“ ³⁾. По замѣчанію Григорія Богослова пастыри должны быть „небесны“. ⁴⁾ Что же требуется отъ пастыря церкви при испол-

¹⁾ Василия Вел. прав. 89 (Къ хорепископамъ каноническое посланіе).

²⁾ Творенія св. Златоуста. Т. I, стр. 416 (Слово III, гл. 4) Петерб., 1895.

³⁾ Тамъ же, стр. 460 (Сл. VI, гл. 1—2).

⁴⁾ Творенія Григорія Бог. Томъ I, стр. 60. Моск. 1843.

неніи имъ своего назначенія? Священникъ долженъ весь обратиться во вниманіе касательно себя и своего поведенія.

„Священнику, говоритъ Златоустъ, надлежитъ быть дальновидну, смотрѣть тысячею глазъ, потому что онъ живетъ не для себя одного, а для такого множества людей“¹⁾. Подчиненные, разясняетъ Златоустъ, обыкновенно смотрятъ на поведеніе высшихъ, какъ на образецъ для себя и стараются во всемъ подражать имъ. Невозможно, невозможно священнику скрыть свои слабости. Малѣйшіе его недостатки немедленно дѣлаются извѣстны. Почему душа священника должна по всѣмъ направленіямъ блистать красотою, дабы души взирающихъ могли заимствовать отъ него свѣтъ“²⁾.

Далѣе,—Златоустъ разясняетъ, что обязанности священника настолько разносторонни, что онъ долженъ состоять какъ бы изъ самыхъ крайнихъ противоположностей. „Онъ долженъ быть важенъ и негордъ; суровъ и благосклоненъ; властенъ и вмѣстѣ общителенъ; безпристрастенъ и услужливъ; смирененъ и нечеловѣкоугодникъ; строгъ и милостивъ“³⁾. Онъ долженъ знать все житейское и долженъ быть отрѣшенъ отъ всего. Такъ какъ ему приходится обращаться съ мужчинами, которые имѣютъ женъ, воспитываютъ дѣтей, распоряжаются слугами, обладаютъ богатствомъ, отправляютъ общественныя должности, то онъ долженъ быть *разнокачественнъ*, — разнокачественнъ, говорю — прибавляетъ Златоустъ—но не лукавъ, не льстець, не лицемѣръ, долженъ имѣть полную свободу и смѣлость“⁴⁾. Въ томъ же родѣ разсуждаетъ и Григорій Богословъ. Онъ говоритъ: „какія нужны свѣдѣнія, чтобы (духовно) врачевать другихъ, чтобы исправлять образъ жизни и персть покарять духу; ибо не одинаковы понятія и стремленія у мужчины и женщины, у старости и юности, у нищеты и богатства, у начальниковъ и подчиненныхъ. Не легко имѣть надъ ними смотрѣніе. Однихъ назидаетъ слово, другіе исправляются примѣромъ. Для иныхъ нуженъ бичъ, и для другихъ узда, ибо одни лѣнны и неудобоподвижны къ добру и такихъ нужно возбуждать; другіе сверхъ мѣры горячи духомъ и неупержимы

¹⁾ Творен. его, тамъ же, стр. 424 (Сл. III, гл. 12).

²⁾ Тамъ же, стр. 426 (Сл. III, гл. 14).

³⁾ Тамъ же, стр. 431 (Сл. III, гл. 16).

⁴⁾ Тамъ же, стр. 453 (Сл. VI, гл. 4).

въ стремленіяхъ, подобно молодымъ, сильнымъ конямъ, бѣгущимъ далѣе цѣли, такихъ нужно обуздывать. Иногда нужно гнѣваться, не гнѣваясь, выражать презрѣніе, не презирая, терять надежду, не отчаяваясь, сколько этого требуетъ свойство cadaго; другихъ нужно врачевать кротостію, смиреніемъ и выраженіемъ участія къ нимъ“¹⁾. Вообще замѣчаетъ Григорій „управлять человѣкомъ, этимъ хитрымъ и измѣнчивымъ животнымъ, есть искусство изъ искусствъ, наука изъ наукъ“²⁾.

Весьма любопытны разсужденія Златоуста по вопросу: какіе пастыри болѣе полезны на своемъ мѣстѣ — люди ли аскетическаго направленія—монахи, которые нерѣдко во времена Златоуста ставились во священники и въ особенности въ епископы,—или же люди, прошедшіе житейскую школу, знакомые съ обществомъ и его интересами и потребностями? Златоустъ признаетъ людей аскетическаго воспитанія, вообще монаховъ, малоспособными и не очень годными для должности пастыря. „Знаю, пишетъ Златоустъ въ „словахъ о священствѣ“, многихъ мужей, всю жизнь свою проведенныхъ въ постоянной строгости, изнурившихъ себя непрерывнымъ постомъ: пока они оставались въ уединеніи и пеклись только о себѣ, они были угодны Богу. Но когда вышедши изъ своего уединенія, они встрѣтились лицомъ къ лицу съ народомъ и имъ предстоялъ подвигъ просвѣщать невѣжество людей, (т. е. когда они сдѣлались пастырями, главнымъ образомъ—епископами), тогда одни изъ нихъ съ перваго же раза оказались неспособными къ такому дѣлу, а другіе—хотя по нуждѣ и оставались на мѣстѣ, но перемѣнили прежнія правила жизни, и тѣмъ причинивъ немалый вредъ себѣ, не принесли никакой пользы другимъ. Говорю это, замѣчаетъ Златоустъ, не съ тѣмъ, чтобы монашескій ликъ вовсе былъ устраненъ отъ достоинства предстоятельства, (ибо случалось, что и изъ числа монашествующихъ достигали славы на этой должности), но стараюсь доказать, что одно благочестіе само по себѣ не дѣлаетъ никого достойнымъ священства“³⁾. Нужно еще званіе жизни

¹⁾ Творен. его Т. I. стр. 33—35.

²⁾ Тамъ же, стр. 26.

³⁾ Тамъ же, стр. 428—429. (Сл. III, гл. 15).

общественной, жизни мірской, чего нѣтъ у монаховъ. Вотъ какъ самъ Златоустъ объясняетъ причины, почему монахи оказывались въ его время неспособными пастырями: „кто привыкъ наслаждаться бездѣятельностію и не знать почти никакихъ попеченій, тотъ хотя бы имѣлъ великія способности, но полная неопытность его въ трудахъ священства необходимо заставитъ его смущаться, тѣмъ болѣе, что недостатокъ въ упражненіи уже отнял у него большую часть способностей. По этой-то причинѣ весьма немногіе съ монашескаго подвижничества переходятъ на подвигъ священства, пишетъ Златоустъ. Да и тѣ болѣею частію обнаруживаютъ свою неопытность, падаютъ духомъ и встрѣчаютъ случаи весьма непріятные и затруднительные. И это нисколько не удивительно, такъ какъ монахъ, — вступая на новое поприще, продолжаетъ Златоустъ, — встрѣчается съ подвигами другаго рода, а не съ тѣми, въ какихъ онъ доселѣ упражнялся. Выходящій на поприще священства въ особенности долженъ презирать славу, преодолевать гнѣвъ, быть исполненъ великаго благоразумія. Но посвятившему себя иноческой жизни не представляется никакого повода къ упражненію въ этомъ. И потому, когда они берутся за подвиги священническіе, въ которыхъ ни сколько не подготовлялись, то недоумѣваютъ, затрудняются, приходятъ въ такое состояніе, что сами не знаютъ, что дѣлать. Многіе изъ нихъ, кромѣ того, что не приумножаютъ добродѣтели, теряютъ и то, что принесли съ собою“ ¹⁾. „Тотъ, кто живя уединенно и обращаясь съ немногими, не научился удерживать гнѣва, но скоро воспламенялся, — когда получить въ управленіе народъ, становится подобенъ звѣрю, отовсюду и всѣми уловляемому: и самъ никогда не можетъ быть спокоенъ, и ввѣренныхъ ему подвергаетъ безчисленнымъ бѣдствіямъ“ ²⁾. Златоустъ необинуясь находитъ, что подвигъ священства выше, труднѣе, многозначательнѣе подвига монашескаго. Отъ пастыря церкви требуется гораздо больше, чѣмъ отъ монаха. Златоустъ рассуждаетъ: „если живущіе въ пустынѣ, вдали отъ города, торжища и соединеннаго съ этимъ шума, т. е. монахи — и тѣ не хотятъ полагаться на

¹⁾ Тамъ же, стр. 465—466. (Сл. VI, гл. 7).

²⁾ Тамъ же, стр. 425 (Сл. III, гл. 13).

безопасность своей жизни, но употребляютъ многія предосторожности—всячески ограждаютъ себя, стараются слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ, то священникъ какую должень имѣть силу и твердость, дабы сохранить душу свою отъ всякой нечистоты и соблюдать себя неповрежденнымъ? Онъ имѣетъ нужду въ большей чистотѣ, нежели пустыnnики. И однакожъ кому нужна большая чистота, тому предстоитъ гораздо больше случаевъ къ соблазну. Большимъ и опаснѣйшимъ искушеніямъ необходимо должень подвергаться тотъ, кто обращается среди всякихъ людей. Напротивъ возлюбившій пустыню, свободенъ отъ всего этого. Хотя помысль и представить ему что-либо нечистое, но это представленіе легко можетъ быть изглажено, потому что ничто внѣшнее не поддерживаеетъ его. Монахъ боится только за себя самого. Если же онъ должень заботиться и о другихъ, то весьма немногихъ. А хотя бы такихъ было и достаточно, то, во-первыхъ, ихъ число все-же менѣе, чѣмъ сколько поручается священнику, во-вторыхъ, попеченіе о нихъ легко и удобно: всѣ они живутъ вмѣстѣ, такъ что малѣйшій ихъ проступокъ сейчасъ же видѣнъ, жизнь ихъ немногосложна, у нихъ нѣтъ ни женъ, ни дѣтей, ни другихъ предметовъ заботъ“¹⁾. „Великъ трудъ монаховъ, великъ ихъ подвигъ; но если кто сравнитъ труды монашескіе съ трудами должности священнической, хорошо исправляемой, тотъ найдетъ великое между ними различіе, такое же, какое существуетъ между мужикомъ и царемъ. У монаховъ — продолжаетъ Златоустъ—большая часть подвиговъ совершается силами тѣлесными: если тѣло не будетъ крѣпко, то ревность только и остается ревностію, а выразиться на дѣлѣ не можетъ: усиленный постъ, жѣсткая постель, неумытость, трудъ до пота, другія изнуренія тѣлесныя—все это оставляется, если ослабѣло тѣло. Но отъ священниковъ требуется чистое искусство души: здоровье и крѣпкое тѣло для священника — дѣло второстепенное. Ибо, можетъ ли сила тѣлесная сколько-нибудь содѣйствовать тому, чтобы не быть своенравнымъ, гнѣвливымъ, быть трезвеннымъ, цѣломудреннымъ, скромнымъ? Монахъ подобенъ акробату, который для своихъ успѣховъ нуждается въ вещахъ внѣшнихъ — канатахъ, коле-

¹⁾ Тамъ же, стр. 460—461 (Сл. VI, гл. 2—3).

сахъ, мечяхъ, а священникъ подобенъ философу, все искусство котораго единственно заключается въ его душѣ“. Сравнивая подвигъ монашества и священства, Златоустъ въ заключеніе говоритъ: „управляющій кормиломъ внутри пристани — т. е. монахъ, среди тишины и неразвлеченности — еще не доказываетъ хорошо своего искусства; но кто среди моря, во время бури, умѣетъ спасти корабль — разумѣется священникъ, того всякій назоветъ кормчимъ искуснымъ“¹⁾. Изъ этихъ разсужденій Златоуста о сравнительной трудности священства предъ монашествомъ, видно, что онъ отъ священника требовалъ высшей нравственной чистоты и совершенства, чѣмъ какія можно встрѣтить у отшельника и что служеніе священника нуждается совсѣмъ въ другихъ качествахъ, чѣмъ какія присущи монаху.

Въ это время какъ Златоустъ и отчасти Григорій Богословъ начертываютъ идеаль пастыря для церкви восточной. Амвросій Медиоланскій, Григорій великій и отчасти Иеронимъ и соборы западные стараются указать такой же идеаль для церкви западной. Идеаль пастыря у западныхъ писателей во многомъ отличается отъ идеала, начертаннаго Златоустомъ: Златоустъ обращаетъ больше вниманія на внутреннія качества души и не даетъ никакихъ правилъ касательно регулированія внѣшняго поведенія; напротивъ западные писатели обращаютъ главное вниманіе на внѣшнія достоинства пастыря, а если и говорятъ о внутреннихъ качествахъ, то въ такомъ родѣ, что правила эти равно могутъ относиться: и къ пастырю и простому христіанину. По Златоусту, какъ знаемъ, пастырь долженъ быть весьма хорошо знакомъ со всѣмъ, что дѣлается въ мірѣ, съ его интересами и стремленіями, западные же писатели рекомендуютъ пастырямъ замкнутость, аскетизмъ. Выходитъ даже наоборотъ: что Златоустъ осуждаетъ, того самого требуютъ западные писатели. Идеаль пастыря на востокѣ и западѣ очень не схожъ.— Амвросій Медиоланскій свои идеи о пастырствѣ изложилъ въ сочиненіи: „о должностяхъ священнослужителей“²⁾.

¹⁾ Тамъ же, стр. 463—464 (Сл. VI, гл. 5—6).

²⁾ De officiis ministrorum. Идеаль пастыря Амвросіемъ начертанъ сообразно стоическому идеалу, какъ этотъ послѣдній отразился въ сочиненіи Цицерона: De officiis, сочиненіи, имѣвшемъ большое вліяніе на указанное твореніе епископа Медиоланскаго. Въ частности, по Буассье идеаль

Амвросіи здѣсь слишкомъ много обращаетъ вниманія на внѣшнія качества пастыря. Внѣшность, раскрываетъ онъ, есть какъ бы зеркало души. Поэтому онъ рекомендуетъ пастырю прежде всего имѣть приличныя тѣлодвиженія. Самъ о себѣ Амвросіи замѣчаетъ, что онъ судилъ о чловѣкѣ по манерамъ и будто не обманывался. Онъ рассказываетъ: „помните, какъ я одного пріятеля нашего, искавшаго у насъ мѣста, не смотря на все его желаніе занять при насъ должность, не принялъ я въ свой клиръ, потому только, что пріемы его тѣлодвиженій въ обращеніи и дѣйствіяхъ были непристойны; а другаго, котораго я засталъ въ нашемъ клирѣ, удалилъ отъ себя, приказавъ ему и на глаза не являться, по той именно причинѣ, что онъ своей неистовой походкой и неуклюжестью, какъ бичемъ поражалъ взоръ мой. И не обманулся я въ своемъ мнѣніи и распоряженіи о нихъ, ибо оба они впоследствии отпали отъ церкви“, замѣчаетъ Амвросіи ¹⁾. Кромѣ вообще приличныхъ манеръ Амвросіи предписываетъ пастырю извѣстнаго рода походку. Какого же рода должна быть походка у пастыря? „Скоро ходить я не считаю для него приличнымъ—говоритъ Амвросіи,—развѣ когда этого требуетъ какая либо особая нужда, ибо поспѣшно идущій, запыхавшись, дѣлаетъ гримасы и вслѣдствіе утомленія и разсѣянности своей онъ обыкновенно спотыкается“. Амвросіи не одобряетъ и тѣхъ, кто въ каждомъ шагѣ старается наблюдать особенную мѣру или тактъ, подобно актерамъ ²⁾. Блаж. Іеронимъ съ своей стороны до-

латинскаго священника будто бы напоминаетъ собой идеалъ римскаго жреца („Римская религія отъ Августа до Антониновъ“) русск. перев., стр. 288. Москва, 1878.

¹⁾ Изъ творенія св. Амвросія Медиоланскаго: *De officiis ministrorum*. Изданіе П. Поспѣлова. Стр. 7—8. Кіевъ, 1875.

²⁾ Тамъ же, стр. 8 и 9. Правда изрѣдка подобнаго же рода предписанія встрѣчаемъ и у восточныхъ писателей. Наприм., по словамъ Θεодорита, епископу или пресвитеру слѣдуетъ быть „степеннымъ и въ выговорѣ (дикціи), и въ наружности, и во взглядѣ и въ походкѣ“, но восточный писатель добавляетъ, „дабы и въ тѣлѣ было видно душевное цѣломудріе“, т. е. онъ придаетъ своимъ предписаніямъ исключительно нравственный характеръ (Н. Н. Глубоковскаго. *Θεοδοριτης, епис. Кирскій*. Т. I, 46. М., 1890). Да притомъ же восточные писатели не входятъ въ мелочныя подробности при указаніи внѣшнихъ требованій пастырскаго благоповеденія.

бавляетъ предписанія Амвросія еще наставленіемъ касательно одежды, какую должно носить клирикамъ. Онъ внушаетъ: „темныхъ одеждъ не носи, точно также какъ и свѣтлыхъ“ (спрашивается: какія же носить то?). Изысканности и неопрятности одинаково должно избѣгать, замѣчаетъ Іеронимъ: первое говоритъ о любви къ удовольствію, а второе— о тщеславіи. Похвально носить льняную одежду, но не обращать вниманія на ея цѣнность“. Онъ совѣтуетъ носить клирику въ карманѣ носовой платокъ, а „не хвастаться тѣмъ, что умѣешь обходиться и безъ этой принадлежности туалета“¹⁾. Амвросій не считаетъ излишнимъ войти въ разсужденіе о томъ, какимъ голосомъ прилично говорить пастырю. „Голосъ его, говоритъ Амвросій, долженъ выражать собой образъ и силу мужества, свойственныя мушнѣ. Я какъ не одобряю излишней нѣжности и притворства въ голосѣ, такъ не рекомендую мужиковатости и грубости“²⁾. Амвросій дѣлаетъ предметомъ регламентаціи и молчаніе пастыря: когда должно давать мѣсто молчанію и когда нѣтъ. Замѣчательно еще слѣдующее мѣсто въ сочиненіи Амвросія „о должностяхъ“, изъ котораго видно, какъ далеко простирались заботы этого учителя пастырей о внѣшности священника. Онъ пишетъ: „въ Римѣ и другихъ мѣстахъ былъ обычай, что взрослые дѣти и зятя не мылись въ банѣ вмѣстѣ съ своими родителями, дабы чрезъ это не уменьшилось уваженіе къ нимъ. Многіе и посторонніе, будучи въ банѣ, заботясь о цѣломудренной скромности, прикрывали нѣкоторыя части своего тѣла. А священники ветхозавѣтной церкви, по древнему обычаю, при богослуженіи всегда имѣли у себя „надряги, надряги льняны, для покровенія плоти ихъ, отъ бедръ даже до стегнъ“ (Исх. 28, 42—3). Говорятъ, замѣчаетъ Амвросій, что нѣкоторые и изъ нашихъ (священниковъ) наблюдаютъ это еще и по нынѣ“³⁾. Амвросій стоитъ на сторонѣ этого страннаго обычая. Касательно пастыря у Амвросія много предписаній чисто аскетическаго характера, какъ будто пастырь живетъ и дѣйствуетъ не въ мірѣ, а въ пус-

1) Творенія Іеронима въ русск. перев. Томъ II, стр. 66 (Письмо къ Непоціану—объ образѣ жизни клириковъ. Кіевъ, 1879.

2) Изъ творенія св. Амвросія: De officiis, стр. 14. Ст. 38.

3) Тамъ же, стр. 13.

тынѣ. Особенно онъ совѣтуетъ остерегаться женщинъ, какъ будто бы женщины не принадлежать къ пасомымъ наравнѣ съ мужчинами. Онъ говоритъ: „въ дома вдовъ и дѣвъ молодымъ клирикамъ вовсе не слѣдуетъ входить, развѣ по особенной важности дѣла или по крайней необходимости посѣщенія, но и то не иначе какъ со старшими или съ епископомъ или съ другими пресвитерами“ ¹⁾. Въ такомъ же родѣ предписаніе встрѣчаемъ у Іеронима и въ опредѣленіяхъ западныхъ соборовъ. Іеронимъ даетъ такіе совѣты: „не бывай часто подъ кровлею отроковицъ и дѣвственницъ; не надѣйся на свою прежнюю непорочность. Ты не святѣ Давида, не мудрѣ Соломона. Если по обязанности клирика ты посѣщаешь вдову или дѣвицу, то никогда не вступай въ домъ ея одинъ. Имѣй такихъ спутниковъ, общество которыхъ не было бы для тебя безславно. За тобою долженъ идти или чтець, или аколуйфъ, или псалмопѣвецъ. Не сиди одинъ съ одной втайнѣ, безъ свидѣтелей. Если нужно что-нибудь сказать по секрету, то пусть будетъ при этомъ нянька, старшая въ домѣ дѣва или замужня“ ²⁾. Тотъ же Іеронимъ рекомендуетъ клирику въ случаѣ его болѣзни поручать, за неимѣніемъ матери или сестры, уходъ за собой или причетнику или какой-нибудь старушкѣ ³⁾. Какія предосторожности! На западныхъ соборахъ Турскомъ V вѣка, и Орлеанскомъ въ VI в. опредѣлено, чтобы клирикъ не имѣлъ знакомства или обращенія съ посторонней женщиной“ ⁴⁾. Вообще, по Амвросію, клирику лучше всего сидѣть дома и заниматься богомысліемъ, а не тратить времени на посѣщеніе. „Вы ищете визитовъ для отдыха и пріятнаго препровожденія времени; почему же—замѣчаетъ Амвросій—свободное отъ церковныхъ занятій время не употреблять намъ на душеполезное чтеніе? Почему не побесѣдовать съ Христомъ (молитва)? Не послушать Христа (чтеніе Писанія)? Что намъ въ посѣщеніи чужихъ домовъ“ ⁵⁾? Правда, Амвросій не вовсе запрещаетъ пастырю посѣщать другихъ. Онъ позволяетъ посѣщать нѣкоторыхъ, но кого именно?

¹⁾ Тамъ же, стр. 36.

²⁾ Творен. его. Т. II, стр. 61.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Hefele. Conciliengeschichte. В. II. 588. 775. Freib., 1875.

⁵⁾ Изъ вышеуказаннаго творенія св. Амвросія, стр. 37.

„Лучше всего для насъ имѣть знакомство съ пожилыми и вообще съ людьми испытанныхъ нравовъ. Сколько обращеніе съ равными намъ по возрасту пріятнѣе, столько же со старшими безопаснѣе и полезнѣе, ибо при опытности старшихъ нравственность младшихъ украшается, какъ цвѣтами благовонными“ ¹⁾. Амвросій и вообще внушаетъ пастырю отрѣшенность отъ всѣхъ благъ міра сего. Онъ говоритъ: „то, что у философовъ и въ обыкновенномъ житейскомъ быту считается благами жизни, какъ-то: мудрость (наука), богатство, удовольствія, радости, не знающія перерыва—все это наноситъ ущербъ истинному благу и счастію человѣка, привязываетъ его къ землѣ, отягчаетъ его суетными заботами и удаляетъ отъ Бога“ ²⁾. Западные авторитетные писатели не оставляютъ пастыря церкви безъ соотвѣствующихъ внушеній и относительно пищи. Они рекомендовали пастырю довольствоваться растительной пищей и при этомъ говорили: никогда не должно священнику наѣдаться до сыта и въ особенности до пресыщенія, напротивъ ему надлежитъ стараться о томъ, чтобы нынче или завтра онъ могъ совсѣмъ забыть объ обѣдѣ, и по крайней мѣрѣ забывать объ ужинѣ. Это совѣтъ Іеронима ³⁾. Тотъ же западный учитель церкви предостерегаетъ пастыря отъ неумѣреннаго употребленія вина; онъ говоритъ: „помни: Лота побѣдилъ не Содомъ, а побѣдило вино“ ⁴⁾. Онъ указываетъ, чтобы неумѣренное употребленіе вина пастыремъ не заставило публику повторять слова одного философа: „съ нимъ поцѣловаться, все равно что вина хлебнуть“ ⁵⁾. Подобныхъ же аскетическихъ предписаній для пастыря много въ сочиненіи другаго западнаго писателя Григорія Великаго, именно въ его сочиненіи: „Правило Пастырское“. Григорій папа говоритъ: „всемирно должно стараться, чтобы въ пастыри и архипастыри поставляемы были, въ образецъ жизни, только такіе мужи, которые умерши для всѣхъ плотскихъ страстей, живутъ уже духомъ, которые отложили всякое попеченіе о мірскихъ благахъ, не страшатся никакихъ бѣдствій, помышляютъ только о бла-

¹⁾ Тамъ же, стр. 39.

²⁾ Тамъ же, стр. 111.

³⁾ Творен. его. Т. II, 135 (Письмо къ Павлину).

⁴⁾ Тамъ же, стр. 247 (Письмо къ Океану).

⁵⁾ Тамъ же, стр. 68 (Письмо къ Непоціану).

гахъ внутреннѣхъ. Имъ не противорѣчитъ уже ни тѣло ихъ подъ предлогомъ немощи, ни духъ не смущается оскорбленіями. Не помышляя о чужомъ добрѣ, они охотно раздаютъ свое собственное. Они всегда готовы отъ чистаго сердца и отъ души извинять и прощать ближняго, не снисходя впрочемъ преступленіямъ его до слабости. Они не позволяютъ себѣ ничего противозаконнаго, а противозаконныя дѣйствія другихъ оплакиваютъ, какъ свои собственные грѣхи. Они соболѣзнуютъ чужому несчастію“ и проч. ¹⁾ Григорій рекомендуетъ пастырю больше всего заниматься созерцательными размышленіями ²⁾.—Этотъ идеаль пастыря, начертанный Амвросіемъ и Григоріемъ, пополняютъ западные соборы, внося нѣкоторыя предписанія того же характера. Такъ соборъ Орлеанскій (VI в.) запрещаетъ пресвитеру жить въ одной квартирѣ съ лицами свѣтскими ³⁾. Соборъ Нарбоннскій въ Галліи, VI-го вѣка, не позволяетъ клирику, если онъ житель города, жить на большой улицѣ, въ предупрежденіе разсѣянности ⁴⁾. Одинъ соборъ римскій VIII-го вѣка постановляетъ правило о стрижкѣ волосъ ⁵⁾ и т. п. Слѣдуетъ замѣтить еще, что какъ ни высоко цѣнили на западѣ пастырей аскетическаго направленія, однакожь тамъ же не съ большимъ сочувствіемъ смотрѣли на клириковъ, взятыхъ изъ монастырей ⁶⁾, также, какъ это было и на востокѣ (припомнимъ рачѣ приведенныя слова Златоуста).

Таковы то были идеальныя требованія церкви со стороны нравственно-общественнаго служенія пастыря, требованія вообще высокія. Правда, идеаль пастыря не одинаковъ на востокѣ и западѣ. На востокѣ онъ выше, болѣе многосторонень, болѣе

¹⁾ Св. Григорія Вел. Правило пастырское или о пастырскомъ служеніи. Переводъ. Стр. 25—26. Кіевъ, 1873.

²⁾ Тамъ же, стр. 47.

³⁾ Hefele. B. II, S. 757.

⁴⁾ Hefele. B. III, S. 54. Freiburg, 1877.

⁵⁾ Ibid. S. 516. Cf. 581.

⁶⁾ Такъ бл. Августинъ не разъ замѣчаетъ, что ему приходится переносить много огорченій изъ-за тѣхъ клириковъ, которые сдѣлались таковыми изъ монаховъ. Онъ же прибавляетъ, что выходецъ изъ монастыря не можетъ быть хорошимъ клирикомъ. Онъ вообще находитъ, что даже хорошій монахъ иногда не имѣетъ необходимаго для клирика образованія и надлежащей пастырской опытности. (Н. Извъкова. Иерархія Северо-африканской церкви, стр. 40. Вильна, 1884).

жизнень, и привлекателенъ, чѣмъ на западѣ ¹⁾). Но и западный идеаль, не смотря на нѣкоторыя крайности, все же довольно выражалъ идею христіанской нравственности. Осуществлять эти идеалы, къ сожалѣнію, умѣли только немногіе пастыри. Только такіе самоотверженные пастыри, какъ Василій великій, Іоаннъ Златоустъ, Григорій Богословъ, Августинъ, блаж. Феодоритъ и проч., могли сказать, что ихъ жизнь дѣйствительно не расходилась съ тѣми высокими требованіями, какія предъявлялись церковію касательно пастыря. Извѣстное число прочаго духовенства тоже было не безъ достоинствъ; иные изъ духовныхъ старались своею жизнію и дѣятельностію приближаться къ идеалу пастыря. Златоустъ иногда хвалитъ современное ему духовенство за то, что оно очень честно относилось къ своему служенію и старалось избѣгать поводовъ къ осужденію его, духовенства ²⁾). Блаж. Августинъ въ своемъ сочиненіи: „О нравахъ православной церкви“ свидѣтельствуетъ, что онъ былъ знакомъ съ очень многими достойными мужами, не только епископскаго сана, но и пресвитерскаго, даже и діаконскаго, которыхъ доблесть приводила въ изумленіе самого его, Августина ³⁾). Даже языческіе писатели, наприм. Амміанъ Марцеллинъ, въ IV в., хвалитъ иныхъ епископовъ и клириковъ, что они вели жизнь простую и скромную ⁴⁾). Но если нѣкоторые пастыри, быть можетъ, вполне осуществляли идеаль пастыря, а другіе искренно стремились къ его осуществленію, то жизнь большинства лицъ духовнаго сословія была далеко ниже идеала, начертываемаго церковію. Уже пастыри IV и первой половины V-го вѣка, когда церковь сіяла своими доблестями, вызывали многія и сильныя укоризны за свое поведеніе, и это какъ на востокѣ, такъ и на западѣ.

¹⁾ Впрочемъ съ теченіемъ времени и на Востокѣ идеаль пастыря началъ суживаться. Такъ, наприм., появились требованія, чтобы духовныя лица не позволяли себѣ носить разноцвѣтныхъ одеждъ (VII всел. соб. прав. 16), чтобы епископы не принимали услугъ отъ женщины даже во время путешествія (тамъ же, прав. 18); также узаконена была для духовенства какая-то стрижка волосъ (Трульск. собора прав. 21) и проч.

²⁾ Златоуста. Творенія въ рус. пер. Т. III, стр. 202. Спб. 1897 (Слово о Акилѣ и Прискилѣ).

³⁾ Н. Д. Извѣкова. Іерархія Сѣверо-африканской церкви, стр. 246.

⁴⁾ Helle. Das kirchliche Vermögen bis auf Constantin. S. 42. Paderborn. 1876 г.

Посмотримъ на востокъ, что видимъ здѣсь? Григорій Богословъ ни на минуту не умолкаетъ въ обличеніи недостойныхъ пастырей. Вотъ какъ онъ характеризуетъ пастырей своего времени: „Духовенство—это огражденное прежде сѣдалище мудрыхъ, дворъ совершенныхъ, возвышеніе для ангельскихъ ликованій, рѣшетка раздѣляющая два міра. Такъ было прежде, а что теперь: смѣшно то и видѣть“. „Страшный, изрытый пропастями оврагъ, это мы, т. е. наше забывшее свой чинъ, сословіе. Это мы не на добро возсѣдающіе на высокихъ престолахъ, мы враги немощей и въ то же время мертвецы, непрестанно заражающіе (другихъ) новыми и новыми недугами“ ¹⁾. По наблюденію Григорія, люди обремененные всевозможными пороками вступали въ духовенство и унижали это сословіе. „Всѣмъ отверсть входъ въ незапертую дверь, т. е. къ священству, восклицаетъ Григорій, и кажется мнѣ: слышу глашатая, который стоитъ впереди и возглашаетъ: „приходите сюда всѣ служители грѣха, ставшіе поношеніемъ для людей, чревоугодники, отяжелѣвшіе отъ толщины, безстыдные, высокомерные, пьяницы, бродяги, злорѣчивые, одѣвающиеся пышно, лгуны, обидчики, скорые на ложную клятву, мироѣды, беззаконно налагающіе руки на чужое достояніе, убійцы, обманщики, льстецы предъ сильными, львы въ отношеніи къ слабымъ, двоедушные рабы, гоняющіеся за перемѣнчивымъ временемъ, полипы, принимающіе, какъ говорятъ о нихъ, цвѣтъ камня ими занимаемаго, недавно оженившіеся, кипучіе, съ едва пробивающимся пушкомъ на бородѣ, въ глазахъ ихъ неудовлетворенная любовь, потому что избѣгаютъ явной, невѣжды въ небесномъ, люди, обнаруживающіе свою черноту—приходите смѣло—иронически взываетъ Григорій—для всѣхъ готовъ широкій престолъ, приходите и преклоняйте вы подъ простертыя десницы (т. е. для посвященія). Общее всѣхъ достояніе воздухъ, общее достояніе земля, для всѣхъ и престолы“ ²⁾. Пастыри, по описанію Григорія, перестали быть дѣйствительными пастырями, а сдѣлались волками, отъ которыхъ общество не могло ожидать себѣ добра. „Левъ, ехидна, змѣя болѣе великодушны и кротки въ сравненіи съ дурными

¹⁾ Творенія его Т. VI, стр. 6.77. изд. 1-ое.

²⁾ Тамъ же, стр. 77—78.

епископами, исполненными гордости и не имѣющими и искры любви. Посмотри—и ты сквозь овечью кожу увидишь волка; если же онъ не волкъ, то пусть убѣждаетъ меня въ этомъ не словами, а дѣломъ; я не цѣню ученіе, которое противорѣчитъ жизни“. „Пастыри, говоритъ тотъ же отецъ, по отношенію къ слабымъ какъ львы, а по отношенію къ сильнымъ какъ собаки, всюду сующіе свой носъ, и пресмыкающіеся чаще у дверей людей вліятельныхъ, нежели у дверей людей мудрыхъ. Они гоняются болѣе за пріятнымъ, чѣмъ полезнымъ. Одинъ изъ нихъ хвалится своимъ благородствомъ, другой краснорѣчіемъ, третій богатствомъ, четвертый своими связями, а тѣ, кто не могутъ похвалиться чѣмъ нибудь подобнымъ, хвастаются пороками“¹⁾. Болѣе обеспеченные въ матеріальномъ отношеніи епископы, по словамъ Григорія, вели жизнь вполне свѣтскую. Они любили ходить съ пышной свитой, въ обращеніи съ другими они казались величавыми. По роскоши въ жизни „они хотѣли равняться съ консулами, правителями областей съ знатнѣйшими изъ военачальниковъ. Если имъ приходилось выѣзжать, то они ѣздили на отличныхъ лошадяхъ, блистательно выселись на колесницѣ. Они любили, чтобы встрѣчали и провожали ихъ съ подобострастіемъ, чтобы всѣ давали имъ дорогу и разступались предъ ними, какъ предъ дикими звѣрями, какъ скоро даже издали увидятъ грядущаго епископа“²⁾.—Все духовенство, по изображенію Григорія, любило проводить время съ пріятностію для своего чрева. „Бѣгутъ съ многолюдной свитой, говоритъ Григорій, на праздничный или именинный или похоронный или свадебный обѣдъ, чтобы все предать расхищенію—иное истребить собственными зубами, а иное предоставить своей свитѣ. Поздно же вечеромъ, едва переводя дыханіе отъ пресыщенія, съ трудомъ влекутъ они опять домой больное чрево, и еще не избавившись отъ прежней тяжести, спѣшать на другой большой пиръ“³⁾. Дома иные изъ недостойныхъ пастырей того времени паче всего заботились о томъ, чтобы у нихъ были хорошіе повара, и искусно приправленные снѣ-

1) Ullmann. Gregorius von Nazianz. S. 362—363. Gotha, 1866.

2) Творенія его. Т. IV, стр. 47 (Слово прощальное). Сл. стр. 121.

3) Твор. его Т. VI, стр. 72—73.

ли“; не мало попеченій прилагалось такими пастырями и объ одеждѣ: „мягкія и волнующіяся одежды“ составляли ихъ слабую струну. (Все это свидѣтельство Григорія) ¹⁾. О себѣ Григорій Богословъ, въ отличіе отъ другихъ пастырей, замѣчаетъ словами ветхозавѣтныхъ пророковъ: „я не изъ числа пастырей, которые „млеко ѣдятъ, волною одѣваются, тучное закаляютъ“ (Иезек. 34, 3—4) или продаютъ (святыню) и говорятъ: „благословенъ Господь и обогатихомся“ (Зах. 11, 5); не изъ тѣхъ, которые пасутъ самихъ себя, а не овецъ“ ²⁾. Во взаимныхъ отношеніяхъ пастырей господствовали вражда и ненависть, желаніе величаться на счетъ униженія другихъ. Тотъ же Григорій пишетъ: „одни изъ нихъ состязуются за святыя престолы, возстаютъ другъ противъ друга, поражаютъ и поражаются безчисленными бѣдствіями. Это неукротимые воители; они возглашаютъ мнѣ „миръ“ и хвалятся кровію. Предлогомъ споровъ у насъ св. Троица, а истинной причиной невѣроятная вражда. Всякій дведушень, это овца прикрывающая собой волка“ ³⁾. Повеличаться на счетъ другаго — съ униженіемъ для этого другаго—это составляло очень обыкновенное явленіе въ средѣ пастырей. Вотъ наприм., что опредѣлено было на соборѣ Сардикійскомъ, происходившемъ, какъ извѣстно, въ IV вѣкѣ. „Если епископъ отправляется изъ одного города въ другой, изъ своей епархіи въ другую изъ видовъ тщеславныхъ, увлекаясь хвалами себѣ (какъ проповѣднику) или большею торжественностію богослуженія, и если желаетъ онъ провести тамъ долгое время, тогда какъ епископъ того города не искусенъ въ ученіи, то первый пусть не презираетъ послѣдняго и не проповѣдуетъ въ чужой епархіи слишкомъ часто, имѣя въ намѣреніи пристыдить и унижить личность мѣстнаго епископа; потому что это обыкновенно бываетъ поводомъ къ смятеніямъ. Такой епископъ указаннымъ способомъ старается похитить чужую кафедру, не смущаясь покинуть порученную ему церковь и перейти въ другую“. Это правило (11) сардикійское не нуждается въ комментаріи. Погоня за браннымъ металломъ такъ же составляла не послѣднее зло среди прочихъ недостатковъ, принадлежащихъ пастырству

1) Тамъ же, т. IV, стр. 121. Изд. 1-ое.

2) Тамъ же, т. II, стр. 295. Изд. 1-ое.

3) Тамъ же, т. VI, стр. 79—80.

IV-го вѣка. „На словахъ только и слышишь отъ пастырей—говорить Григорій Богословъ—о „попеченіи душъ“, а на дѣлѣ они больше всего заняты „сборами и поборами“ со своихъ пасомыхъ ¹⁾.—Пастырское вліяніе на общество при такихъ условіяхъ едва-ли мыслимо. Жизнь пастырей не представляла ничего поучительнаго для народа. И дѣйствительно, Григорій отказываетъ пастырству въ его благотворномъ вліяніи на общество. Онъ говоритъ: „пастыри погрѣшаютъ непремѣнно въ одномъ изъ двухъ: или имѣя сами нужду въ снисхожденіи, чрезъ мѣру снисходительны, такъ что не пресѣкаютъ порока, а учатъ пороку, или же строгостію власти лишь прикрываютъ свои собственныя (порочныя) дѣла“ ²⁾. Развѣ въ одномъ только отношеніи худая жизнь пастырей, по Григорію, могла быть полезна; именно: народъ, смотря на недостатки духовенства, станетъ отвращаться отъ подобной нечестивой и легкомысленной жизни. „Кто пишетъ картину съ подлиннаго изображенія, говоритъ Григорій, тотъ сначала ставитъ предъ собою подлинникъ, а потомъ картина принимаетъ на себя списываемый образъ. Но кто смотритъ на васъ—обращаетъ рѣчь Григорій къ духовенству—тотъ пойдетъ противоположною стезею. И это единственная польза отъ вашей испорченности“ ³⁾.

Вмѣсто того, чтобы быть учителями въ добрѣ и обличителями пороковъ, пастыри становились льстецами, особенно предъ лицами, власть имѣющими. Четвертый вѣкъ обилѣнъ примѣрами, которые свидѣтельствуютъ, какъ мало пастыри этого времени помнили о своемъ высокомъ назначеніи. Уже во времена Константина Великаго лесть становится явленіемъ, близко знакомымъ пастырямъ. Такъ одинъ изъ епископовъ, присутствовавшихъ на празднествѣ 30-лѣтія царствованія Константина не стыдится высказать такой грубый комплиментъ императору: „ты блаженъ, потому что въ этомъ мірѣ Богъ поставилъ тебя властелиномъ надъ всѣмъ, и въ будущемъ вѣкѣ ты будешь царствовать съ Сыномъ Божиимъ“. Лесть была настолько неумѣренна, что самъ императоръ счелъ долгомъ обуздать слишкомъ забывшагося епископа ⁴⁾.

¹⁾ Тамъ же, VI, 19—20.

²⁾ Тамъ же, II, 183.

³⁾ Тамъ же, т. VI, стр. 78. Сл. т. I, 23.

⁴⁾ Евсевія. Жизнь Константина, кн. IV, гл. 48.

Даже Евсевій Кесарійскій, знаменитый церк. историкъ, который смотрѣлъ на себя какъ на изобличителя лести, наклоненъ былъ къ этому же пороку. Самъ онъ, ослѣпленный блескомъ императорскихъ милостей къ епископамъ, въ своемъ сочиненіи: „жизнь Константина“, при описаніи одного императорскаго обѣда, происходившаго въ сообществѣ архіереевъ, не устыдился замѣтить, что обѣдъ этотъ былъ образомъ царства Божія на небѣ¹⁾. И это были епископы, носившіе еще на своемъ тѣлѣ, раны Діоклитіанова гоненія! А чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше и больше лесть повреждала сословіе духовенства. Василиій Великій, взирая на отсутствіе дерзновенія въ пастыряхъ, прямо восклицаетъ: „молчать уста благочестивыхъ“²⁾.

Что касается до западнаго духовенства того же IV-го вѣка, то и его характеръ былъ не только не лучше восточнаго, но даже еще хуже. Блаж. Иеронимъ сохранилъ для насъ много любопытныхъ описаній западнаго духовенства IV-го вѣка. Разсматривая упадокъ нравовъ въ западномъ духовенствѣ, Иеронимъ объявляетъ, что хотя духовные и боялись „законовъ гражданскихъ, но за то Евангеліемъ пренебрегали“³⁾. Особенно развита была въ западномъ духовенствѣ алчность къ приобрѣтенію денегъ, богатства. Для этой цѣли духовенство поднималось на всѣ хитрости и пожалуй низости. Иеронимъ говоритъ, что съ указанною цѣлю лица духовныя съ необыкновенною привѣтливостію обращались въ особенности съ матронами. „Клирики, пишетъ онъ, которые должны бы быть учителями закона и страха Божія, лобзаютъ главы матронъ, и протянувъ руку какъ бы для благословенія, принимаютъ подарки за свою привѣтливость“⁴⁾. Другіе клирики приходили къ той же цѣли путемъ жалкаго попрошайства. Иеронимъ говоритъ, что нѣкоторые клирики всю жизнь употребляютъ на то, чтобы изучать нравы благородныхъ женщинъ и пользовались этимъ изученіемъ къ своей выгодѣ. Онъ приводитъ примѣръ одного старика священника, который съ равнаго утра спѣшилъ въ какой либо

1) Тамъ же, кн. III, гл. 15.

2) Творенія Василія Велик. Томъ VI, стр. 199 (Письмо къ Италійскимъ и Галльскимъ епископамъ). Изд. 3-ье. Серг. Посадъ, 1892.

3) Творенія его. Т. II, стр. 63 (Пис. къ Неподіану).

4) Тамъ же. Т. I, стр. 114. (Письмо къ Евстохію).

домъ къ богатой матронѣ, проникалъ даже къ постели спящихъ. Здѣсь увидить подушку, изящное полотенце или что либо другое изъ домашней рухляди — ошупываетъ, удивляется, хвалитъ, и жалуясь, что нуждается въ этомъ, не выпрашиваетъ, замѣчаетъ Іеронимъ, а просто вымогаетъ, потому что женщина боится нажать себѣ врага во священникѣ“¹⁾. Иные изъ западныхъ клириковъ дѣйствовали утонченнѣе и плутоватѣе. Они дѣлали видъ, что жизнь ихъ посвящена благотвореніямъ, раздавали гроши бѣднымъ и нищимъ и этимъ такъ подкупали богатыхъ христіанъ въ свою пользу, что въ ихъ карманы сыпались уже не гроши, а цѣлыя пригоршни золота, и хотя эти деньги назначались для раздачи нищимъ, но въ сущности они навсегда завязали въ карманѣ мнимыхъ филантроповъ. Іеронимъ пишетъ: „иные изъ духовныхъ понемногу подаютъ бѣднымъ, чтобы получить больше, и подъ предлогомъ благотворительности наживаются богатства. Это скорѣе своего рода охота, замѣчаетъ Іеронимъ — чѣмъ благотворительность. Попадаются звѣри, попадаются и рыбы. На крючкѣ насаживается небольшая приманка, чтобы подцѣпить на него кошельки матронъ“²⁾. Наконецъ, еще иные изъ тѣхъ же клириковъ поступали съ цѣлюю приобрѣтенія стяжаній — совсѣмъ низко. Они вкрадывались въ довѣріе къ бездѣтнымъ старикамъ и старухамъ и своею услужливостію склоняли ихъ оставлять имъ свое имѣніе, помимо прямыхъ наслѣдниковъ. Но послушаемъ, что говоритъ Іеронимъ. „Съ какими усиліями снискивается суетное наслѣдство! Нѣкоторые клирики отличаются постыдною услужливостію къ бездѣтнымъ старикамъ и старухамъ. Сами приносятъ ночную вазу, сидятъ подлѣ постели, принимаютъ въ свои руки желудочную отрыжку и легочную мокроту. Улучшеніе въ положеніи больного приводитъ ихъ въ тайное отчаяніе, а приближеніе развязки, т. е. смерти, веселитъ ихъ сердца³⁾.—Итакъ деньги въ карманѣ. Что же дальше? Оставалось жить и веселиться. Такъ и поступали западныя духовныя лица. Они одѣвались пышно. Іеронимъ рисуетъ намъ образъ римскаго священника, одѣ-

1) Тамъ же, стр. 129.

2) Тамъ же, т. II, 66 (Пис. къ Непоціану).

3) Тамъ же, стр. 63.

таго въ изящную одежду, вспысканнаго духами, такъ что священникъ смахивалъ больше на жениха, чѣмъ на служителя церкви. „Вся забота у нихъ, по словамъ Иеронима, объ одеждахъ, чтобы эти послѣднія издавали благоуханіе, чтобы нога была гладко обтянута мягкой кожей. Волосы завиты щипцами. На пальцахъ блестятъ перстни. Чуть-чуть ступаютъ они, чтобы не промочить подошвы на влажной дорогѣ. Когда увидишь такихъ людей, сочтешь ихъ скорѣе женихами, чѣмъ клириками“ ¹⁾. Такіе клирики любили побаловать себя гастрономическимъ обѣдомъ, тонкимъ и изысканнымъ. Иеронимъ говоритъ: „родившись въ бѣдномъ домѣ или сельской хижинѣ, въ былое время едва онъ могъ насыщать свой желудокъ просомъ и чернымъ хлѣбомъ, а теперь для него ни-по-чемъ отличнѣйшая крупчатая булка и медъ. Онъ можетъ вамъ теперь пересчитать по пальцамъ родъ и качества лучшихъ рыбъ. Онъ сейчасъ вамъ опредѣлить, гдѣ водятся эти устрицы; по одному запаху жареныхъ птицъ онъ различаетъ, изъ какихъ онѣ провинцій; ему доставляетъ удовольствіе только рѣдкое, дорогое кушанье“. „У бѣднаго священника Христова, замѣчаетъ иронически Иеронимъ, начальникъ провинці лучше пообѣдаетъ, чѣмъ въ самомъ дворцѣ“ ²⁾. Совершенно такое же замѣчаніе въ частности о римскихъ епископахъ дѣлаетъ и языческій историкъ IV вѣка Амміанъ Марцеллинъ. Онъ говоритъ, что эти епископы задавали своимъ гостямъ такіе пиры, которые превосходили пиры самихъ императоровъ ³⁾. Правда, римскіе клирики строго соблюдали посты, такъ что не позволяли себѣ вкушать даже и масла. Но за то умѣли дѣлать постъ, если можно такъ сказать, роскошнымъ. Они прибавляли въ постную пищу въ качествѣ приправы — фіги, пальмовые плоды, медъ, фісташки, и пили прохладительные напитки ⁴⁾. Какъ всѣ люди хорошо накормленные и пригрѣтые судьбой, западные клирики не могли отказывать себѣ въ удовольствіяхъ, которымъ покровительствуетъ богиня Венера. Они, по свидѣтельству Иеронима, любили по-

¹⁾ Тамъ же, т. I, стр. 129 (Пис. къ Евтохію).

²⁾ Тамъ же, томъ II, стр. 63. 68 (Пис. къ Непоціану).

³⁾ Helle. Opus cit., S. 42.

⁴⁾ Творен. Томъ II, стр. 69.

сѣщать молодыхъ дамъ, обмѣнивались съ ними разными подарочками, а также ласковыми и сладкими записочками ¹⁾. Само собой понятно дѣло на этомъ не кончалось. Пользуясь доступомъ въ дома прихожанъ въ качествѣ утѣшителей и раздателяей духовныхъ благъ, они соблазняли тамъ мужнихъ женъ; выманивали изъ семействъ особенно низшаго класса, дѣвицъ и обращали ихъ себѣ въ наложницъ ²⁾.—Въ другихъ отношеніяхъ нравственной жизни западные пастыри IV-го же вѣка являли себя тоже не образцами въ исполненіи нравственнаго закона, а его нарушителями. Такъ нѣкоторые изъ нихъ, проповѣдуя съ церковной кафедрой, заботились не о пользѣ слушателей, а о похвалахъ себѣ, старались больше всего о томъ, чтобы вызвать слушателей на аплодисменты. Обличая пастырей IV-го вѣка, Іеронимъ внушаетъ имъ: „когда ты учишь въ церкви, возбуждай не крикъ одобренія, но плачь въ народѣ. Я не хочу, чтобы ты былъ декламаторъ, крикунъ и болтунъ безъ толку. Сыпать словами и скоростью рѣчи привлекать къ себѣ удивленіе черни—свойственно невѣждамъ“ ³⁾. Кромѣ того, епископы слишкомъ надмевались надъ пресвитерами, деспотически относились къ послѣднимъ. Себя считали какъ бы господами надъ прочими клириками. Такъ свидѣтельствуетъ Іеронимъ. Отношенія епископовъ къ прочимъ вѣрующимъ чужды были христіанской кротости съ одной стороны и дерзновенія съ другою. Предъ одними—низшими себя—пастыри вели себя гордо, предъ другими, сильными земли — ласкательствовали. Предъ одними, по словамъ Іеронима, они величались, какъ будто бы не благодатной Христовой должности достигли они, а мірскаго господства, являлись надутыми своею властью ⁴⁾. А какъ они вели себя предъ сильными земли, объ этомъ даетъ понятіе слѣдующій фактъ, рассказанный Сульпиціемъ Северомъ (Церковный писатель V-го вѣка). Войска императора Констанція, этого еретика аріанина—и деспота, одерживаютъ верхъ надъ узурпаторомъ на западѣ—Магненціемъ. Епископъ одного города Валентъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 62.

²⁾ Изъ творенія Амвросія Медиоланскаго: *de officiis ministrorum*. Op. cit., стр. LIII.

³⁾ Творен. его. II, 65.

⁴⁾ Тамъ же, 64.

спѣшить увѣдомить объ этомъ Констанція, и когда этотъ спрашиваетъ его, почему онъ это знаетъ, льстивость подсказываетъ епископу такой отвѣтъ: „ангелъ возвѣстилъ мнѣ это“ ¹⁾. — Если таково было духовенство запада IV-го вѣка, то неудивительно, если великіе пастыри находили, что священство здѣсь не соотвѣтствовало своему назначенію. Амвросій Медиоланскій говорилъ: „пастыри церкви ищутъ больше благъ земныхъ, нежели спасенія душъ“ ²⁾. А нѣсколько позднѣе блаж. Августинъ тоже замѣчалъ: „такъ какъ многіе исполняютъ свои церковныя обязанности кой-какъ, то въ настоящее время нѣтъ ничего легче, веселѣе и пріятнѣе должностей епископа и пресвитера“ ³⁾.

Раньше мы замѣтили, что нравственный упадокъ духовенства обнаруживается даже въ цвѣтущее время церкви въ IV и V вѣкахъ. Изложивъ факты, касающіеся IV вѣка, обращаемся къ фактамъ того же рода изъ первой половины V вѣка. Однимъ изъ самыхъ интересныхъ документовъ, свидѣтельствующихъ о нравственномъ упадкѣ духовенства, служатъ акты собора Константинопольскаго 403 года противъ Златоуста. Соборъ этотъ собрался на другой сторонѣ Босфора противъ Константинополя, на дачѣ, извѣстной съ именемъ: При Дубѣ, принадлежавшей префекту Руфину: здѣсь былъ дворецъ, большая церковь и монастырь. Соборомъ руководилъ архіепископъ Александрійскій Теофилъ, врагъ Златоуста. Онъ былъ вызванъ въ Константинополь для разбирательства его дѣла съ оригенистами, такъ называемыми долгими братьями, но ему, Теофилу, благодаря интригамъ и неудовольствію двора на Златоуста, удалось устроить дѣло такъ, что соборъ былъ назначенъ не для суда надъ Теофиломъ, а надъ самимъ Златоустомъ. Соборъ состоялъ частію изъ мѣстныхъ епископовъ, принадлежавшихъ къ константинопольскому округу, частію изъ епископовъ египетскихъ, которые прибыли сюда вмѣстѣ съ Теофиломъ ⁴⁾. На соборѣ представлена была цѣлая масса обвиненій на Златоуста. Всѣ или почти всѣ эти

¹⁾ Historia sacra. Pars II, cap. 38.

²⁾ Изъ творенія Амвросія: De officiis ministrorum, стр. LV.

³⁾ Epist. ad Valerium episcopum (относится къ 391 г.): nihil esse in hac vita et maxime hoc tempore facilius et laetius episcopi et presbyteri aut diaconi officio....

⁴⁾ Hefele. Conciliengesch. B. II, S. 90.

обвиненія были совершенно несправедливы, но тѣмъ не менѣе злоба восторжествовала: Златоустъ былъ осужденъ. Соборъ характеристиченъ въ томъ отношеніи, что онъ ясно показываетъ, на сколько изолгалось, прониклось интригами, злобою и ненавистію духовенство того времени. Сонмъ епископовъ и прочаго духовенства лгалъ и лгалъ на Златоуста, и не чувствовалъ низости своего дѣла. Говорятъ, что праздность есть мать всѣхъ пороковъ, а по нашему мнѣнію ложь есть мать всѣхъ пороковъ. Тотъ, кто лжетъ и клеветаетъ и не чувствуетъ при этомъ стыда, тотъ потерянный человѣкъ, тотъ способенъ на всякій безнравственный поступокъ. А таково и было духовенство начала V-го вѣка въ Константинополѣ и Египтѣ. Но пускаться въ подробное описаніе собора „При Дубѣ“ нѣтъ надобности ¹⁾. Въ какомъ состояніи находилось Константинопольское духовенство время Златоуста, съ этимъ хорошо можно знакомиться еще и по тѣмъ обличеніямъ, какихъ заслуживало это духовенство отъ своего архиепископа. Златоустъ изображаетъ: какъ священники и диаконы столичные бродили изъ одного богатаго дома въ другой (какъ это было во времена Григорія Богослова), бродили роняя достоинство своего духовнаго сана низкимъ угодничествомъ. Въ порывѣ священнаго гнѣва онъ уподоблялъ ихъ блюдолизамъ и плутамъ комедіи, приводя имъ въ примѣры свою собственную воздержанность ²⁾. Епископы, по разнымъ обстоятельствамъ пріѣзжавшіе изъ провинціи въ столицу, вели себя, по свидѣтельству Златоуста,—ничуть не лучше. Такъ порицая Северіана Гавальскаго и Антіоха Птолемаидскаго, пріѣзжавшихъ въ Константинополь съ тѣмъ, чтобы добыть себѣ денегъ проповѣдями, Златоустъ, не осуждая этой цѣли, ради которой они пожаловали въ столицу, говорилъ имъ: „Антіохъ и ты, Северіанъ, ведете жизнь прихлебателей и лстецовъ, вы стали басней города, васъ выводятъ па сценахъ въ комедіяхъ“ ³⁾. Златоустъ совершенно пересталъ довѣрять честности своего клира.

¹⁾ Исторія этого собора подробно описана нами въ статьѣ: „Соборъ при Дубѣ, 403 года“. См. „Церковно-историческія повѣствованія — изъ давнихъ временъ церкви“, стр. 150—179. Изд. 2-ое. Спб., 1903.

²⁾ Migne. Patrologiae cursus. Gr. ser. Tom. 47: Palladii — Dialogus historicus (De vita Ioannis Chrysostomi), p. 20.

³⁾ Тьерри. Св. Іоаннъ Златоустъ и Евдоксія. Переводъ, стр. 77. М. 1884.

Если было въ обычаѣ, что богатые люди раздавали пособие бѣднымъ, чрезъ клириковъ, то Златоустъ удерживалъ благотворителей отъ такого способа благотворенія. Онъ находилъ, что деньги прилипали къ рукамъ клириковъ. Такъ, не желая, чтобы богатая Константинопольская аристократка, Олимпиада дѣлала клириковъ посредниками между собою и бѣдными, Златоустъ говорилъ ей: „ты вливаешь свою собственность въ море“¹⁾. Нужно ли еще напоминать о тѣхъ суровыхъ приговорахъ, какіе произносилъ Златоустъ противъ клириковъ, жившихъ съ такъ называемыми „духовными сестрами“, съ которыми въ дѣйствительности ихъ связывали, слишкомъ плотскіе интересы.

Провинціальное духовенство временъ Златоуста было не лучше столичнаго. Самому Златоусту, въ качествѣ архипастыря столицы, приходилось разбирать очень соблазнительныя дѣла нѣкоторыхъ епископовъ, принадлежащихъ къ Ефесскому округу. Сообщимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о нравственномъ характерѣ епископовъ Ефесскаго округа. Во время одного засѣданія Константинопольскаго синода при Златоустѣ, кто-то изъ епископовъ подалъ жалобу на архіепископа Ефесскаго Антонина. Вотъ въ чемъ онъ обвинялъ этого послѣдняго: 1) онъ купилъ за деньги свой епископскій санъ и въ свою очередь, дабы возвратить потраченный капиталъ, продавалъ должности въ епископскомъ своемъ округѣ. Смотря по доходности, онъ обложилъ таксою всѣ епископства, на которыя онъ назначалъ архіереевъ; ставленники же епископы—въ свою очередь возмѣщали издержки чрезъ продажу священническихъ мѣстъ и св. тайнъ. 2) Онъ, Антонинъ, приказалъ обращать свящ. сосуды въ слитки, и дарилъ это серебро своему сыну; отъ дверей крещаленъ похищалъ мраморъ, которымъ и украсилъ свою баню; далѣе онъ перенесъ въ свой триклиній колонны, принадлежавшія церкви. 3) Онъ держитъ у себя въ качествѣ слуги мальчика, виновнаго въ убійствѣ, не наложивъ на него даже епитимии. 4) Антонинъ возвратилъ къ себѣ жену, съ которою разлучился при своемъ посвященіи; сожительствовалъ съ нею и имѣлъ отъ нея нѣсколько дѣтей уже во время своего епи-

¹⁾ Созомена. Церковн. исторія, кн. VIII, гл. 9.

скопства ¹⁾. Златоусту слѣдовало разсмотрѣть это соблазнительное дѣло. Но Антонинъ умеръ раньше, чѣмъ кончился его процессъ. Не было однако сомнѣнн, что Антонинъ былъ дѣйствительно повиненъ въ возводимыхъ на него преступленняхъ, если не во всѣхъ, то во многихъ. Смерть Антонина не только не прекратила безпорядковъ въ Ефесскомъ округѣ, но даже увеличила ихъ. Вакантная кафедра стала предметомъ искательства многихъ кандидатовъ; причеиъ каждый изъ нихъ хотѣлъ подкупить избирателей. Къ Златоусту пришла жалоба нѣкоторыхъ Ефесянъ на безпорядокъ, въ которой говорилось: „въ то время, какъ мы пишемъ къ тебѣ, щедро раздаются деньги въ Ефесѣ, и стая бѣшенныхъ волковъ бросается на нашу епископскую кафедру, какъ на свою добычу“ ²⁾. Златоустъ принужденъ былъ предпринять путешествнн въ Ефесъ и избрать для этого города новаго правильно поставленнаго епископа. Кроме того, здѣсь же онъ отставилъ отъ должности шестерыхъ епископовъ, принадлежащихъ къ Ефесской митрополнн и обвиненныхъ въ симонн, т. е. въ томъ, что они были сдѣланы епископами за деньги, которыя были внесены въ пользу прежняго епископа Антонина. Сначала они заирались, но бывъ уличены, сознались, въ этомъ тяжкомъ грѣхѣ. Интересно, что стали говорить эти шестеро епископовъ. Они сказали: „если нельзя оставаться намъ епископами, то возвратите намъ деньги, которыя мы издержали для прнобрѣтенн сана. Многие изъ насъ не только разорены, но отдали все до послѣдняго украшенн нашихъ женъ и домашней утвари. Справедливость требуетъ, чтобы это было намъ возвращено“. Златоустъ сжалился надъ ними и приказалъ обратнть искъ на имущество, оставшееся по смерти уже умершаго Антонина ³⁾.

Картину нравственнаго состоянн духовенства первой половины V-го вѣка въ значительной степени пополняетъ для насъ—очень важный документъ: Акты Халкидонскаго собора. Здѣсь разсматривалось два очень замѣчательныхъ дѣла: патрнрха Александрнйскаго Дюскора и митрополита Едесскаго Ивы. Мы не вѣрнмъ, чтобы эти два иерарха были

¹⁾ Migne. Gr. ser. Tom. 47: Palladii—dialogus historicus, p. 47—48.

²⁾ Palladii, ibidem, p. 50.

³⁾ Palladii, ibidem, p. 51.

такими извращенными личностями, какими ихъ рисуютъ обвинители на Халкидонскомъ соборѣ. Обвинители, конечно, много прибавили черныхъ красокъ, но тѣмъ не менѣ эти обвиненія имѣютъ историческое значеніе. Если сочтено было возможнымъ возводить на Діоскора и Иву разныя страшныя преступленія, то значить эти преступленія вообще возможны были въ церкви, значить они встрѣчались въ практикѣ. Но переходимъ къ фактамъ. На соборѣ возводились на Діоскора всевозможныя преступленія. Онъ изображается предъ нами какъ ненасытный корыстолюбецъ. О немъ рассказывали, что пшеницу, пожертвованную императоромъ для бѣдной страны Ливійской, изъ которой (пшеницы) должно было готовить Евхаристическій хлѣбъ и питать бѣдныхъ, что эту пшеницу онъ скупалъ, а потомъ во время голода продавалъ по самымъ дорогимъ цѣнамъ. Куда употреблялъ патриархъ Діоскоръ деньги, пожертвованныя на церковь, объ этомъ даетъ понятіе слѣдующій фактъ. Одна благочестивая Александрійская женщина отказала по завѣщанію очень крупную сумму на монастыри и страннопримные дома. Но Діоскоръ, озлобленный тѣмъ, что ничего не завѣщено въ его пользу, распорядился деньгами крайне безсовѣстно. Онъ раздарилъ ихъ музыкантамъ и актерамъ. Обвинители еще рассказывали самыя невѣроятныя вещи о распутствѣ патриарха. „Весьма часто безстыдныя женщины, по словамъ обвинителей, открыто веселились съ нимъ въ епископіи и въ его банѣ—особенно одна по имени Понсофія, которую знала вся Александрія“¹⁾. Діоскору приписываются даже положительные разбои. Одинъ изъ клириковъ такъ жаловался на соборѣ: „на наши бѣдныя имѣнія онъ послалъ монаховъ и другихъ лицъ и предалъ ихъ пламени, такъ что всѣ зданія совершенно истреблены огнемъ, вырублены въ нихъ всѣ плодовые деревья“. Онъ отнималъ дома у клириковъ и обращалъ ихъ въ церкви. Самихъ клириковъ безъ всякой вины сажалъ въ смиренный домъ и подсылалъ даже убійцъ, съ цѣлю умерщвлять лицъ, которыми недоволенъ былъ Діоскоръ. Ему прямо приписывались смертоубійства²⁾.

Что касается Ивы митрополита Едесскаго, то и противъ

¹⁾ Дѣянія вселенск. соборовъ. Томъ III, стр. 257. Казань, 1879. Изд. 2-ое.

²⁾ Тамъ же, стр. 255. 257. 258.

него на соборѣ Халкидонскомъ представлены были многія и тяжкія обвиненія. Прежде всего онъ изображается не меньшимъ корыстолюбцемъ, какъ и Діоскоръ. Онъ распоряжался деньгами церковными, какъ своими собственными. Такъ о немъ рассказывали, что когда для выкупа плѣнныхъ собрано было нѣсколько тысячъ монетъ, и когда для той же цѣли отдѣлена была часть церковныхъ сосудовъ, то Ива только одну тысячу употребилъ по назначенію, а остальное присвоилъ себѣ. Церковные доходы, простиравшіеся, по словамъ обвинителей, до несмѣтнаго количества, онъ раздавалъ брату и племянникамъ, и кромѣ того бралъ деньги за хиротонію. Церковные сосуды, украшенные дорогими камнями, обращалъ въ свою собственность. Обогащая себя и родню на счетъ церковныхъ сокровищъ, онъ сквозь пальцы смотрѣлъ на церковную скудость. Такъ, по словамъ обвинителей, однажды въ праздникъ собралось за богослуженіе много народу, и однакожь выдано было очень мало вина для Евхаристіи, и притомъ вина дурнаго, нечистаго, только - что выжатаго, вслѣдствіе чего священнодѣйствующіе должны были послать за виномъ въ торговое заведеніе. При всемъ томъ Евхаристическаго вина не хватило на всѣхъ, такъ что многіе остались безъ причастія, тогда какъ сами они (Ива и другіе), замѣчается въ актахъ, пили и имѣли и всегда имѣють превосходное и удивительное вино“. Клиръ, подвѣдомый митрополиту Ивѣ, состоялъ изъ людей порочныхъ, потому что Ива мало обращалъ вниманія на дѣйствительныя достоинства лицъ, избираемыхъ на церковныя должности. Пресвитеры въ его клирѣ были самой зазорной нравственности. Въ особенности дуренъ былъ его племянникъ Даніиль, епископъ одного города Едесской митрополи. Это былъ человекъ безпорядочный и распутный, который ни мало не скрываясь часто приходилъ въ Едессу къ одной незамужней женщинѣ Холлоѣ, бралъ ее съ собою и, бродяжничая, предавался съ нею разврату. Къ немалому соблазну для церкви, этой же своей любовницѣ Даніиль завѣщевалъ отдать по его смерти все его богатое имущество, составившееся путемъ святотатства и проч. ¹⁾.

Для характеристики нравственнаго состоянія духовенства

¹⁾ Дьян. всел. соборовъ. Томъ IV, 93—95. Каз. Изд. 2-е.

первой половины V-го вѣка имѣютъ большую цѣну письма св. Исидора Пелусіота, этого подвижника, родомъ изъ Александріи, проводившаго подвижническую жизнь близъ небольшого египетскаго города Пелузіи. Его письма въ яркихъ и живыхъ чертахъ изображаютъ жизнь духовенства небольшой и малоизвѣстной Пелузіійской церкви. Рядомъ съ свѣтлыми чертами въ нравственномъ положеніи духовенства этой церкви, онъ указываетъ и въ высшей степени мрачныя черты. Не смотря на то, что письма св. Исидора касаются небольшой, малоизвѣстной, провинціальной церкви, свѣдѣнія, сообщаемыя ими,—говоримъ—очень важны. Потому что, если духовенство ничтожнаго городка и то было весьма низко въ нравственномъ отношеніи, то безъ сомнѣнія еще хуже было оно въ большихъ городахъ: извѣстно, что порча нравовъ бываетъ всегда значительнѣе въ столицахъ и большихъ городахъ, чѣмъ селахъ и городкахъ.— По изображенію св. Исидора, какъ пелузіійскій епископъ, такъ и подвѣдомственные ему пресвитеры были одинаково порочны. Епископа пелузіійскаго Исидоръ упрекаетъ въ томъ, что „онъ предается похоти, гнѣву, непопозволенной любви и готовъ дѣлать все, только бы проводить жизнь вопреки божественному закону“ ¹⁾. Этого же епископа Исидоръ укоряетъ за то, что онъ „захвативъ епископское достоинство, церковныя должности раздастъ своей роднѣ, что онъ незаконно распоряжается церковнымъ имуществомъ, присваиваетъ себѣ достояніе бѣдныхъ, вводитъ въ клиръ скопцевъ, людей женоподобныхъ“ ²⁾. Пресвитеры церкви Пелузіійской много превосходили епископа своимъ неблагоповеденіемъ. Они составили компанію, цѣлю которой было превесело и порочно проводить жизнь. Во главѣ этой компаніи стоялъ пресвитеръ Зосима, коноводъ другихъ пресвитеровъ. Св. Исидоръ часто и въ особенно яркихъ чертахъ описываетъ дурную жизнь этого Зосимы. Онъ проводилъ время въ пьянствѣ, такъ что пьянствуя, по словамъ Исидора, терялъ умъ ³⁾. Не смотря на свое невѣжество, онъ былъ отъявленнымъ гордецомъ. Онъ ходилъ поднимая высоко брови, надменно заги-

¹⁾ Творенія св. Исидора Пелусіота. Томъ I. стр. 196. М. 1859.

²⁾ Тамъ же, 151.

³⁾ Тамъ же, стр. 95. 182.

баль голову, ступаль на ногтяхъ—по замѣчанію Исидора 1). Исидоръ приписываетъ ему и его товарищамъ даже противоестественные пороки. По словамъ Исидора компанія пресвитеровъ, подъ руководствомъ Зосимы „извратила не только божественные, но и естественные законы, ибо предаваясь безчинству, вопреки законнаго естества, они неистовствовали другъ на друга“ 2). При одномъ случаѣ Исидоръ заразы приписываетъ всѣ пороки Зосимѣ, называетъ его „хранилищемъ порока, сокровищницею безстыдства“, „ибо, замѣчаетъ Исидоръ, иные жестоки, но цѣломудренны, корыстолюбивы, но скромны, распутны, но кротки, а ты, Зосима, преуспѣваешь во всемъ“ 3). Легко примиряясь со своею собственною порочностію, Зосима сквозь пальцы смотрѣлъ на грѣхи пасомыхъ и за подарокъ въ нѣсколько рыбинъ снималъ епитимію съ тяжкаго грѣшника 4). Изъ числа лицъ пресвитерскаго сана, проводившихъ жизнь подобно Зосимѣ, особенно выдѣляется Мартиніанъ. Онъ, по словамъ Исидора, обвинялся въ волшебствѣ, въ срамныхъ и гнусныхъ грѣхахъ; спеціальностію его было кулачество. Онъ скупаль хлѣбъ, когда этотъ былъ дешевъ и продавалъ его въ тридорога во время недостатка его на рынкѣ 5). Всѣ эти пелузіійскіе порочные клирики, по словамъ Исидора, не только не скрывали своихъ пороковъ, но дошли до такого безстыдства, что даже хвалились ими, какъ добродѣтелями 6). Порочные пресвитеры сдѣлались притчею во языцѣхъ, возбуждали смѣхъ въ цѣлой Пелузіи 7). Это у однихъ. А другіе считали ихъ бичемъ страны. Нѣкоторые, по словамъ Исидора, не вѣрили, что напр. Зосима человекъ, а утверждали, что онъ скорѣе какой нибудь звѣрь или человекѣубійственный демонъ 8). Противъ Зосимы и его сотоварищей сочинялись сатиры, въ которыхъ описывались всевозможные ихъ пороки, а сами эти лица предавались глумленію 9). Нѣкоторые изъ вѣрую-

1) Тамъ же. Томъ II, стр. 256. М. 1860.

2) Тамъ же. Томъ I, 441. 324.

3) Тамъ же, т. I, стр. 369.

4) Тамъ же, т. II, стр. 286.

5) Тамъ же. Томъ I, стр. 390; томъ II, стр. 139.

6) Тамъ же. Томъ III, стр. 213 М. 1860.

7) Тамъ же, Томъ I, стр. 297.

8) Тамъ же. Томъ II, стр. 275

9) Тамъ же, III, 175.

щихъ, наиболѣе знавшихъ о порочности Зосимы, не могли даже принимать изъ его рукъ евхаристическихъ даровъ, находили, что такой священникъ скорѣе осквернить, чѣмъ освятить ¹⁾.

Такимъ образомъ мы видимъ, что не только духовенство значительнѣйшихъ городовъ, гдѣ больше доходовъ и больше соблазновъ, но и духовенство городовъ бѣдныхъ, захолустныхъ въ первой половинѣ V-го вѣка одинаково не представляло изъ себя образца нравственности. Мы умышленно привели больше примѣровъ, чѣмъ сколько нужно было, и старались брать свидѣтельства отъ самыхъ авторитетныхъ писателей и документовъ, чтобы не могло быть никакой ошибки касательно дѣйствительно невысокаго уровня пастырской нравственности указаннаго времени.

Для большей ясности въ пониманіи тѣхъ примѣровъ, какіе приведены нами раньше, надлежитъ еще замѣтить слѣдующее: клирики жили или одиночками, а такихъ было большинство, или же они жили коммунарно, общежительно: пресвитеры, діаконы и прочій клиръ данной церкви, особенно немногочисленной, жили вмѣстѣ—нерѣдко и самъ епископъ жилъ съ ними же. Что нѣкоторые священники и другіе клирики иногда жили одиночками, это и доказывать нѣтъ надобности. Что же касается до коммунарной жизни духовенства, въ конвиктахъ, то не мѣшаетъ привести нѣсколько примѣровъ, такъ какъ самый фактъ совокупной жизни духовенства мало извѣстенъ въ наукѣ. Въ одномъ каноническомъ посланіи Василія Великаго говорилъ, что въ его округѣ во многихъ мѣстахъ: пресвитеры, діаконы и другіе клирики, изъ которыхъ потомъ выбирались кандидаты на священство, жили вмѣстѣ, такъ что священники и діаконы могли хорошо знать жизнь кандидатовъ на священство и рекомендовать ихъ епископу ²⁾. У церковнаго историка Созомена V-го вѣка есть указаніе на одну Египетскую церковь (Ринокурурскую), гдѣ, по его словамъ, тамошніе клирики имѣли все общее—и жилище и столъ (VI, 31). На тоже указываютъ, сообщенныя уже нами свѣдѣнія о клирѣ въ Иппонѣ, при Августинѣ ³⁾ и въ Пелузіи, при св. Иси-

¹⁾ Тамъ же, II, 342.

²⁾ Василія Вел. прав. 89.

³⁾ Богосл. Вѣстникъ, 1902, т. II, стр. 481—482.

дорѣ Пелусіотѣ. Само собой понятно, что въ общежитіи жили только клирики неженатые, а такъ какъ подобныя общежитія встрѣчались нерѣдко въ церкви того времени, то ясно, что холостыхъ клириковъ тогда было очень много.— Жили ли клирики одиночками или общежитіями—въ томъ и другомъ случаѣ въ ихъ средѣ находили себѣ мѣсто разнаго рода пороки, но составъ пороковъ былъ у нихъ неодинаковъ. Одиночки заводили себѣ т. н. „возлюбленныхъ сестеръ“, почти на положеніи конкубинъ, тогда какъ въ общежитіи поступать такъ было неудобно; тѣ же одиночки-клирики дѣлались корыстолюбивы,—вѣдь нужно было кормить, одѣвать и холить ихъ „возлюбленныхъ сестеръ“; у нихъ, одиночекъ, развивались мірскіе интересы, неодобрительное пристрастіе къ хозяйству, куплѣ, продажѣ и т. д. Напротивъ другаго рода нравственные недостатки развивались въ средѣ клириковъ—коммунаровъ. Такъ какъ имъ невозможно было имѣть ни жены, ни конкубины (точнѣе субинтродукты), то среди ихъ появлялись противоестественные грѣхи, какъ это было напр. въ Пелузій. Клирики общежительники, конечно, не имѣли у себя особенно хорошаго стола, поэтому они охотно всей толпой бѣгали по имениннымъ, праздничнымъ и похороннымъ обѣдамъ (въ чемъ упрекали нѣкоторыхъ клириковъ Григорій Богословъ и Златоустъ). Живя вмѣстѣ, а иногда подѣ непосредственнымъ главенствомъ епископа, они—коммунары—дѣлались горды, высокомерны, вѣдь они представляли изъ себя почтенную сплоченную силу. Они могли быть прочной опорой для дѣятельности епископа, но и могли сдѣлаться бичемъ для него: клевета, доносы, лжесвидѣтельства—все было въ ихъ рукахъ ¹⁾. Это была какъ бы лейбгвардія, которая могла и стоять за епископа и бунтовать противъ епископа.

¹⁾ Златоустъ, наприм., утверждаетъ слѣдующее: „какъ тираннъ боится своихъ гѣлохранителей, такъ и священникъ (т. е. епископъ) опасается своихъ ближнихъ и сослужащихъ болѣе всѣхъ, потому что никто столько не домогается его власти и никто лучше всѣхъ другихъ не знаетъ дѣлъ его, какъ они; находясь близъ него, они прежде другихъ узнаютъ случившееся съ нимъ и легко могутъ встрѣтить довѣріе даже клеветамъ своимъ“. Мало этого: „воспользовавшись незначительнымъ поводомъ, они сильно вооружаются на него и стараются извергнуть его, не какъ тиранна только, но какъ еще худшаго человѣка“ (Творен. его. Т. I, 427. Слово III о священ., гл. 14).

Изъ представленныхъ нами прежде образцовъ нравственнаго состоянія духовенства IV и V вѣка видно, что эта сторона жизни духовенства представляла мало отраднаго. Нравственный уровень былъ невысокъ и даже положительно низокъ. Отчего бы зависило такое явленіе? Гдѣ причины его? Первою и главнѣйшею причиною было то, на что мы намекали прежде,—то, что духовное званіе сдѣлалось выгодной профессіей, а не служеніемъ по глубокому нравственному убѣжденію. Кто смотрѣлъ на духовное званіе, какъ на выгодную профессію, тотъ, конечно, прежде всего думалъ о томъ, какъ бы извлечь побольше выгодъ изъ него, а наблюдать за тѣмъ, чтобы собственная жизнь его соотвѣтствовала идеалу, считалъ излишнимъ. Отсюда нравственныя послабленія для себя и своей жизни, послабленія, которымъ можно было полагать какіе-либо предѣлы, а можно и не полагать. Мысль, что въ разсматриваемое время пастырство сдѣлалось профессіей, хорошо уясняется Григоріемъ Богословомъ; онъ же указываетъ тѣ слѣдствія, какія неминуемо вытекали отсюда для нравственнаго положенія пастыря церкви. Григорій замѣчаетъ, что въ его время на пастырство многіе смотрѣли какъ на своего рода ремесло. Онъ говоритъ: „мнѣ стыдно за тѣхъ, кто, будучи ничѣмъ не лучше другихъ, если не хуже, съ неумытими, какъ говорится, руками, съ нечистыми душами берутся за святое дѣло, и прежде нежели сдѣлались достойны приступить къ священству, врываются въ святилище, почитая свой санъ не образцемъ добродѣтели, а *средствомъ къ пропитанію*“. О такихъ, по Григорію, можно говорить, вотъ „и Саулъ во пророцѣхъ“ ¹⁾. Эти лица—разумѣется — нисколько не давали себѣ отчета, что такое священство и въ простотѣ души думали, по свидѣтельству Григорія, что управлять человѣческими душами тоже, что пасти стадо овецъ или быковъ. Они главнымъ образомъ думали о томъ, какъ бы повеселѣе проводить время, будучи священниками. Въ этомъ случаѣ, по словамъ Григо-

¹⁾ Творен. его. Т. I, стр. 21. Тожественную мысль выражаетъ и св. Златоустъ. Вотъ его слова: „я открою, отчего епископство сдѣлалось предметомъ домогательства: причина въ томъ, что мы домогаемся его, не какъ обязанности управлять другими и заботиться о братіяхъ, а какъ чести, какъ покойной жизни“, разумѣется въ матеріальномъ отношеніи (Бесѣды на книгу Дѣяній Св. Апостоловъ, стр. 63. Спб. 1856).

рія, они ничѣмъ не отличались отъ дѣйствительныхъ пастуховъ. Какъ пастухъ думалъ о томъ, какъ бы отыскать развѣсистый дубъ, подъ тѣнью котораго удобно было бы расположиться, о томъ, чтобы полежать на мягкой муравѣ, у прозрачнаго ключа воды, подъ вѣтеркомъ устроить себѣ временное ложе, иногда со стаканомъ въ рукѣ пропѣть любовную пѣснь и заколоть себѣ овцу, какая пожирнѣе,—въ томъ же родѣ были, по увѣренію Григорія Богослова, и думы пастыря духовнаго ¹⁾. Пастуху овецъ или быковъ доставляла своего рода удовольствіе его профессія; такого же рода искалъ удовольствій и пастырь, исполняя свое дѣло.

Другою причиною, вліявшею на упадокъ нравственнаго уровня духовенства былъ недостаточно внимательный выборъ лицъ, принимаемыхъ въ духовное сословіе. Такую причину указываетъ Іоаннъ Златоустъ въ „словахъ о священствѣ“. Златоустъ говоритъ: „мы сами обезображиваемъ священство, поручая его людямъ вовсе неопытнымъ, которые не узнавъ прежде сколь велики силы души ихъ и сколь трудна обязанность, охотно берутъ ее на себя, а когда приступаютъ къ дѣлу, тогда по неопытности сами пребываютъ во мракѣ и на вѣренный имъ народъ навлекаютъ множество золъ“. „Не отъ чего другаго вкрались въ церковь безпорядки, утверждаетъ Златоустъ, какъ отъ того, что предстоятели избираются безъ разсмотрѣнія, кое-какъ“ ²⁾. Блажен. Іеронимъ съ своей стороны въ послѣдности, съ какою лица, желающія церковной должности, вводятся въ клиръ, видитъ одну изъ причинъ порчи класса духовенства. Онъ пишетъ: „вчера онъ оглашенный, а сегодня первосвященникъ; вчера въ амфитеатрѣ, а сегодня въ церкви; вечеромъ въ циркѣ, а утромъ уже въ алтарѣ; нѣкогда покровитель комедіантовъ, а теперь уже посвяtitель дѣвъ“. „Какая нелѣпость“, замѣчаетъ Іеронимъ.—Скоро рукоположенный священникъ,—продолжаетъ Іеронимъ,—не знаетъ смиренія и кротости людей простыхъ, т. е. святыхъ, не знаетъ христіанскихъ словъ любви, не умѣетъ пренебрегать своими стремленіями, а стремится отъ одной почести къ другой“ ³⁾. Но

¹⁾ Тамъ же, стр. 22.

²⁾ Творен. его. Т. I, стр. 422 (Слово III, гл. 10).

³⁾ Творен. его. Томъ II, 248 (Пис. къ Океану).

однако спрашивается: отъ чего же зависила такая невнимательность въ выборѣ лицъ, которыя должны были укомплектовать ряды духовенства? Златоустъ указываетъ двѣ причины явленія. Во-первыхъ, по Златоусту, епископы выбирали лицъ для клира по соображеніямъ постороннимъ и случайнымъ. Они уступали просьбамъ различныхъ дамъ, которыя, какъ всегда, любятъ мѣшаться не въ свое дѣло, а епископы по чему либо не могли отклонять подобныхъ ходатайствъ ¹⁾. Во вторыхъ, по свидѣтельству Златоуста, нѣкоторые епископы по зависти отстраняли лицъ, достойныхъ уваженія, отъ вступленія въ клиръ, а пополняли его лицами негодными. Онъ говоритъ: „дѣлатели Христовы (епископы) разграбляютъ наслѣдіе Христова болѣе воровъ и непріятелей. Они отстраняютъ и отгоняютъ дѣлателей доблестныхъ для того, чтобы имъ при ихъ самоволіи дѣлать все, какъ имъ хочется. А причиной явленія зависть“ ²⁾.

Но по нашему сужденію, обѣ эти причины, указываемыя Златоустомъ, не уясняютъ дѣла. Дамы, конечно, могли вмѣшиваться не всегда, а лишь изрѣдка; такъ же не часто должны были встрѣчаться случаи, когда епископы изъ зависти устранили лицъ достойныхъ. Во всякомъ случаѣ мы не можемъ отрицать того, что иногда зависть дѣйствительно заставляла епископовъ во что бы то ни стало отдѣлываться отъ такихъ лицъ, которыя своими достоинствами мозолили имъ глаза. Вотъ что, напримѣръ, рассказывалъ нѣкто Вассіанъ на Халкидонскомъ соборѣ. „Съ юношескаго возраста я жилъ для бѣдныхъ, я устроилъ страннопримный домъ, поставилъ въ немъ 70 кроватей и радушно принималъ всѣхъ больныхъ и увѣчныхъ. Но Мемнонъ, епископъ Ефесскій, завидуя этому, потому-что я былъ всѣми любимъ, сдѣлалъ все, чтобы выгнать меня изъ города. Онъ насильственно посвятилъ меня въ епископы ничтожнаго селенія. Я не хотѣлъ принимать на себя управленія епископствомъ, поэтому Мемнонъ отъ 3-го до 6-го часа билъ меня предъ алтаремъ, такъ что и св. Евангеліе и алтарь обагрены были кровію. Я долженъ былъ покинуть городъ и не могъ даже видѣть этого города“ ³⁾.—Но повторяемъ: зависть не можетъ объяснять

¹⁾ Творен. его. Томъ I, стр. 421 (Слово о священ. III, гл. 9).

²⁾ Тамъ же, стр. 430 (Слово III, гл. 15).

³⁾ Дѣянія вселен. соборовъ. Томъ IV, стр. 113.

всего дѣла. Завидуютъ обыкновенно низшіе высшимъ—такъ въ психологической законъ. И вѣроятно рѣдко встрѣчались случаи, когда епископъ завидовалъ клирику или кандидату на священную должность.

Причины, почему выбирались въ клиръ лица, не заслуживающія сана священства, хотя и сложны, но все же удобопонятны, если примемъ во вниманіе слѣдующія разъясненія. Съ IV-го вѣка число христіанскихъ общинъ быстро умножалось. Вслѣдствіе чего не для всякой общины или прихода можно было найти хорошаго пастыря. Приходилось ставить во священники кого случится. Такъ изъ опредѣленій одного помѣстнаго кареагенскаго собора конца IV вѣка извѣстно, что въ этой церкви около этого времени сталъ чувствоваться большой недостатокъ въ клирикахъ, такъ что церковь кареагенская должна была обращаться къ другимъ церквамъ за кандидатами во священники ¹⁾. Очевидно, при такихъ условіяхъ нельзя было быть очень разборчивымъ въ выборѣ священниковъ. Епифаній епископъ Кипрскій IV-го же вѣка съ своей стороны свидѣтельствуемъ, что потому только и стали ставить священниковъ женатыхъ, вмѣсто безбрачныхъ, что христіанскихъ общинъ стало очень много и начало замѣчаться оскудѣніе лицъ безбрачныхъ, необходимыхъ для укомплектованія рядовъ духовенства ²⁾. Т. е. по сужденію Епифанія въ виду множества праздныхъ священническихъ мѣстъ стали вмѣсто лучшихъ кандидатовъ поставлять худшихъ. А это, естественно, могло простираться очень далеко. Вообще принимали въ клиръ всякій сбродъ ³⁾, просто потому,—говоря языкомъ современной политико-экономической науки,—что спросъ на священниковъ превосходилъ предложеніе. Если приходилось набирать въ клиръ кого-пришлось, то неудивительно, если эти лица и сами не были образцами добродѣтели и оставались безъ должнаго нравственнаго вліянія на общество.

¹⁾ Hefele. В. II, S. 81. (Недостатокъ возникъ на этотъ разъ вслѣдствіе перехода большаго количества православныхъ клириковъ въ расколъ донатистовъ).

²⁾ Творенія его въ русск. переводѣ. Т. III, стр. 31. („Ересь“ 59, гл. 4) М. 1872.

³⁾ Припомнимъ приведенныя выше патетическія слова Григорія Богосл. о нравственномъ состояніи духовенства его времени.

Вотъ главная причина, почему при избираниі на священныя должности недостаточно обращалось вниманія на достоинства избираемаго, но были и другія причины, вызывавшія разсматриваемое явленіе. Василій Великій свидѣтельствуетъ, что рекомендовать того или другаго человѣка, какъ способнаго быть клирикомъ, рекомендовать предъ епископомъ, лежало на обязанности священниковъ и діаконовъ, составлявшихъ клиръ извѣстнаго епископа, но что священники и діаконы злоупотреблия этою обязанностію. Они стали рекомендовать кандидатовъ безъ испытанія ихъ жизни, — по пристрастію, открывали доступъ къ священству своимъ родственникамъ и всякаго рода пріятелямъ, и вотъ появилось много недостойныхъ пастырей церкви. По свидѣтельству того же Василія Великаго „весьма многіе изъ опасенія попасть въ солдаты всячески старались опредѣлиться въ клирики“¹⁾; конечно, для достиженія цѣли, они притворялись какъ будто они были люди благочестивые, кроткіе, готовые на самоотверженіе. Само собою понятно, изъ этихъ бѣглецовъ отъ солдатчины выходили сомнительнаго достоинства воины Христовы. Сами епископы подчасъ держались неправильныхъ взглядовъ на духовный санъ; они награждали этимъ саномъ лицъ, оказавшихъ имъ какія либо услуги. Значитъ пастырское служеніе разсматривалось какъ какое-то повышеніе въ чинѣ или мірская награда. Вотъ, наприм., какой былъ случай. Нѣкоего Геронтія, имѣвшаго познанія въ медицину, св. Амвросій Медиоланскій сдѣлалъ діакономъ; но потомъ оказалось, что онъ былъ человѣкъ недостойный и Амвросій изгналъ его изъ клира. Но Геронтій не потерялся, отправился въ Константинополь, завязалъ разныя выгодныя знакомства, сумѣлъ оказать личную услугу сыну Элладія митрополита Кесаріи Каппадокійской. Элладію, хотя и зналъ прошлое Геронтія, но тѣмъ не менѣе, въ знакъ благодарности, сдѣлалъ его сначала священникомъ, а потомъ даже епископомъ Никомидійскимъ²⁾. Раньше мы указывали и другіе случайные мотивы, по которымъ избирали тѣхъ или другихъ лицъ на служеніе алтарю. Изъ всего этого выходили печальныя слѣдствія. Кандидатовъ на священство, по

1) Св. Василія, прав. 89.

2) Созомена. Церк. Исторія, кн. VIII, гл. 6.

крайней мѣрѣ на Востокѣ, было много, а толку въ нихъ было очень мало. Василиій Великій говоритъ ¹⁾, что при каждой даже сельской церкви насчитывалось много кандидатовъ въ священныя должности, они исполняли разныя низшія обязанности при храмѣ, но „нѣтъ — замѣчаетъ святитель — нѣтъ никого достойнаго служенія алтарю“. А если изъ такихъ кандидатовъ и избирались пастыри, то, конечно, они не могли принести блага церкви. Не даромъ Василиій Великій взывалъ: „изчезла сановитость священниковъ, мало людей пасущихъ стадо Божіе разумно“, „Ибо достигающіе священства, говоритъ онъ, въ благодарность за свой выборъ воздають тѣмъ, что все позволяютъ въ угоду грѣшникамъ“ ²⁾.

Третьей общей причиной явленія, т. е. нравственнаго упадка въ духовенствѣ, было неуваженіе къ священникамъ со стороны членовъ общества. Священникъ пересталъ быть лицомъ почётнымъ. Онъ сталъ предметомъ насмѣшекъ, зубоскальства, всяческихъ нападокъ. Златоустъ пишетъ: ³⁾ „самый послѣдній нищій поноситъ епископа на площади. Разсердится ли епископъ, посмѣется ли, захочетъ ли дать себѣ отдыхъ—является много насмѣшниковъ, много соблазняющихся, много осуждающихъ“. Общество положительно придиралось къ дѣйствіямъ лица священнаго: все выходило не такъ, да не такъ. Тотъ же Златоустъ влагаетъ въ уста мірянина такія слова: „если пастырь дѣлаетъ тоже, что и я — и моется въ банѣ, и пьетъ, (конечно, вино), и одѣвается, заботится о домѣ и домашнихъ, то за что же онъ поставленъ надо мною? Онъ имѣетъ у себя прислужниковъ, ѣздитъ на ослѣ, (т. е. не ходитъ пѣшкомъ), такъ зачѣмъ же поставленъ онъ надо мною“ ⁴⁾. Угодить на насомыхъ было невозможно. Если пастырь проявлялъ, напротивъ, аскетическія склонности, его тоже позорили на всѣхъ перекресткахъ, какъ было наприм. съ Григоріемъ Богословомъ ⁵⁾. Златоустъ говоритъ: „что хвалитъ одинъ (въ епископѣ), то порицаетъ дру-

¹⁾ Прав. 89.

²⁾ Творенія его. Т. VI, стр. 198 (Пис. къ италійск. и Галльскимъ епископамъ). Изд. 3-е.

³⁾ Бесѣды на книгу дѣяній Св. Апостоловъ (бес. 3), стр. 63—64. Спб. 1856.

⁴⁾ Бесѣды на Посланіе ап. Павла къ Титу, стр. 16. Спб. 1859.

⁵⁾ Творен. Григорія Богосл. Т. IV, стр. 47.

гой, а что осуждаетъ одинъ, тому удивляется другой“¹⁾. Мало того. По словамъ тогоже св. отца: „за одинъ разговоръ свой онъ (пастырь) подвергается такому множеству нареканій, что часто падаетъ отъ унынія: его судятъ и за взглядъ; самыя простыя дѣйствія его многіе строго разбираютъ, примѣчая и тонъ голоса, и положеніе лица, и мѣру смѣха. Съ такимъ—то, говорятъ, онъ громко смѣялся, обращался съ веселымъ лицомъ и разговаривалъ возвышеннымъ голосомъ, а со мною мало и небрежно“²⁾. „Если онъ не способенъ говорить краснорѣчиво (проповѣди), то бываетъ сильный ропоть, если способенъ говорить, то опять порицанія: онъ говорятъ, тщеславенъ“, пишетъ еще Златоустъ³⁾. Если кто нибудь изъ епископовъ дѣлалъ какой-либо непростительный проступокъ, брань обращалась на всѣхъ архіереевъ. Общество было неумолимо жестоко. Въ одномъ правилѣ (19) Сардикійскаго собора сказано: „мы знаемъ, что часто вслѣдствіе соблазна допущеннаго немногими изъ епископовъ, почтенное имя священства подвергалось пренебреженію“. А сдѣлать неприятность епископу стало дѣломъ обычнымъ. Сочинялись доносы на епископовъ и не видно было конца этимъ кляузамъ. Въ одномъ правилѣ Карфагенскаго собора замѣчено: „есть много неблагонамѣренныхъ, которые считаютъ своимъ долгомъ при всякомъ случаѣ дѣлать доносы на отцовъ и епископовъ“⁴⁾. Молва любила распространять въ обществѣ, что священныя лица утаиваютъ долю бѣдныхъ, что они воры, святотатцы, что они не умѣютъ управлять дѣлами⁵⁾. Вообще Златоустъ говоритъ: „священниковъ, служителей духовныхъ благъ, пасомые осыпаютъ безчисленными злословіями или же сочувствуютъ другимъ злословящимъ. Подлинно, прибавляетъ онъ, ничто такъ не вредитъ церкви, какъ *эта болѣзнь*“⁶⁾. „Теперь, заявляетъ св. отецъ, даже отъ язычниковъ нельзя слышать такихъ злословій и порицаній противъ начальствующу-

1) Бесѣды на посланіе ап. Павла къ Титу, стр. 14.

2) Творен. его. Т. I, 436 (Слово III о священствѣ, гл. 17).

3) Бесѣды на посланіе ап. Павла къ Титу, стр. 16.

4) Собора Карфаген. Прав. VIII. Русск. пер. („Дѣянія помѣстныхъ соборовъ“, стр. 113. Казань, 1877).

5) Бесѣды Златоуста на 2 Павлово Послан. къ Тимоѳею (бес. 3), стр. 27—28. Спб. 1859.

6) Творенія его. Т. III, стр. 202. (Слово объ Акилѣ и Прискиллѣ).

щихъ, т. е. епископовъ и священниковъ, которыя произносятся тѣми, кто принадлежитъ къ вѣрующимъ“¹⁾). Между священникомъ и обществомъ возникла рознь. Случалось, что если епископъ хотѣлъ наказать чѣмъ нибудь провинившагося клирика, то жители города на зло епископу устроили въ пользу виновнаго шумныя демонстраціи, выходили ему на встрѣчу въ несмѣтномъ количествѣ, со свѣчами и лампадами²⁾). Само собой понятно, что при такихъ условіяхъ нельзя было ожидать, чтобы въ духовное сословіе стремились поступать люди, обладающіе достоинствами и самоуважающіе: ни одному порядочному человѣку не хочется быть мишенью для насмѣшекъ. Вслѣдствіе этого въ духовное сословіе могли поступать главнымъ образомъ только лица, которымъ насмѣшки и всякія порицанія ни почемъ, т. е. лица, лишеныя сознанія своего нравственнаго достоинства, а отъ такихъ лицъ нельзя было ожидать ни нравственности, ни нравственнаго вліянія на общество. Да и много ли можно было найти людей достойныхъ, которые считали бы честью для себя сдѣлаться священникомъ, когда свѣтское правительство сдѣлало изъ священства родъ наказанія. Одинъ историкъ рассказываетъ, что когда императоръ Зенонъ (V вѣка) пожелалъ отдѣлаться отъ своего соперника по престолу—Маркіана, то приказалъ схватить его въ банѣ и тотчасъ посвятить въ пресвитеры³⁾).

Къ этимъ причинамъ нравственнаго упадка духовенства нужно еще прибавить слѣдующее: одною изъ очень видныхъ причинъ, вліявшихъ неблагопріятно на нравственное состояніе духовенства съ IV вѣка, было испорченное византійское

¹⁾ Тамъ же, стр. 199.

²⁾ Дѣянія всел. собор. Т. IV, стр. 97. Изд. 2-ое. Каз., 1878.

³⁾ Фелора Чтеца. Церк. исторія, изъ кн. I, гл. 37. Съ подобными же фактами мы часто встрѣчаемся въ исторіи изучаемаго времени. Императоръ Θεодосій II съ радостію назначилъ непріятнаго ему префекта преторіи Кира епископомъ во Фригію (Ioan. Malalas. Chronograph. p. 361—2. Edit. Bonn.). Другого префекта преторіи Іоанна Каппадокіянина въ правленіе Юстиніана приказано было въ наказаніе посвятить въ пресвитеры (Проккопія Кесарійскаго. Исторія войнъ римлянъ съ персами и проч. Т. I, стр. 138. Рус. пер. Спб. 1862). Такія же извѣстія находимъ и у историка Θεοφана, наприм., онъ рассказываетъ, какъ одинъ императорскій секретарь былъ наказанъ при Юстиніанѣ I-мъ поставленіемъ въ санъ діакона (Θεοφана Λέγτοπισ, стр. 145. Переводъ Оболенскаго и Терновскаго М. 1884).

общество, въ частности византійская придворная атмосфера; византійскій дворъ былъ міромъ интригъ, пороковъ, низкой лести. Духовенство, какъ это и естественно, носило на себѣ слѣды растлѣнія того общества, изъ котораго оно выходило и того государства, интересамъ котораго оно служило.

Въ числѣ причинъ, содѣйствовавшихъ порчѣ нравственнаго характера духовенства на Востокѣ въ IV вѣкѣ иногда выставляють неблагопріятное вліяніе школъ латинскихъ на греческій Востокъ. Говорять, что Константинъ Великій перенесши столицу съ Запада на Востокъ, съ тѣмъ вмѣстѣ перенесъ сюда латинскія школы, которыя, имѣя цѣлю готовить адвокатовъ, давали очень поверхностное образованіе, пріучавшее къ крючкотворству и кляузничеству. А такъ какъ изъ питомцевъ этихъ-то школъ и стали брать съ IV вѣка на Востокѣ епископовъ и священниковъ, то духовное сословіе—говорять намъ—стало отражать на себѣ недостатки этихъ школъ: духовенство стало склонно къ интригамъ, кляузамъ, спорамъ изъ-за преимуществъ, вообще характеръ его мельчаетъ. Однако мы не думаемъ, чтобы это, во всякомъ случаѣ оригинальное, мнѣніе ¹⁾ имѣло особенное значеніе. Во 1) духовенство испортилось гораздо раньше IV вѣка, какъ это показываетъ примѣръ Павла Самосатскаго и подчиненнаго ему духовенства изъ III вѣка; во 2) латинскія школы, перенесенныя съ Запада на Востокъ—допустимъ даже, что онѣ дѣйствительно были худы—не сейчасъ же распространились не сейчасъ же и принесли плоды. А между тѣмъ порча духовенства IV вѣка представляетъ собой такое яркое явленіе, которое едва ли можетъ быть объясняемо вліяніемъ школъ, только что начавшихъ свое существованіе. Въ 3) большинство замѣчательныхъ западныхъ пастырей, какъ Амвросій, Иеронимъ, Августинъ, получили образованіе въ латинскихъ школахъ, и это образованіе не сдѣлало ихъ ни интриганами, ни кляузниками. Итакъ, если распространеніе школъ латинскихъ и могло оказывать неблагопріятное вліяніе на нравственный характеръ восточнаго духовенства, то это вліяніе остается причиной не главной, а не болѣе какъ второстепенной.

¹⁾ Проф. М. Е. Ковальвицкаго (теперь: Димитрій, архіеп. Казанскій): „О значеніи національнаго элемента въ развитіи христіанства“. *Труды Кіев. Дух. Академіи*, 1880, т. III, стр. 406—408.

Теперь доскажемъ исторію нравственнаго состоянія духовенства въ періодъ времени отъ VI-го до IX вѣка. Это были вѣка упадка церковной жизни во всѣхъ отношеніяхъ. Напередъ, поэтому, можно предполагать, что нравственное состояніе духовенства этого времени не стало лучше, чѣмъ въ болѣе цвѣтущее время церкви. Это такъ дѣйствительно и есть; тѣмъ болѣе, что не существовало никакихъ условій, какія содѣйствовали бы улучшенію разсматриваемаго состоянія духовенства. Примѣры доблестныхъ пастырей съ VI-го по IX вѣкъ встрѣчаются рѣдко, а примѣры пастырей съ противоположными качествами сплошь и рядомъ. Больше свѣдѣній имѣемъ о положеніи духовенства на Западѣ, поэтому о нравственномъ состояніи западнаго духовенства сначала и скажемъ. Папа Григорій Великій, жившій въ концѣ VI и началѣ VII вѣка, въ своихъ сочиненіяхъ выскazuje немало жалобъ на нравственное состояніе духовенства. Онъ говоритъ, что священники и епископы только старались казаться святыми, а на дѣлѣ были не таковы ¹⁾. Они не имѣли христіанской любви и желали влестительства. „Они не имѣютъ, по Григорію, внутренней любви, но желаютъ быть господами; совсѣмъ забываютъ о томъ, что они отцы, и если когда по внѣшности ласковы, внутренно же свирѣпствуютъ“ ²⁾. Простой народъ—говоритъ св. папа—они обираютъ, не оказывая ему никакой пользы, а лицъ, власть имѣющихъ, даже за заблужденіе превозносятъ похвалами, и это для того, чтобы, говоря непріятное, не лишиться подарка отъ обличаемаго ³⁾. Священники расхищали чужое достояніе ⁴⁾. — Духовныя лица, по словамъ того же папы, принявъ на себя обязанность священника, не помышляли объ исполненіи ея. Проповѣдывать не проповѣдовали, главнѣйше потому, что „языкъ препинался отъ собственнаго нечестія проповѣдниковъ“ ⁵⁾. Священники ударились въ мірскія занятія, погрузились въ хлопоты житейскія. „Вотъ уже почти нѣтъ ни одного мірскаго дѣла, замѣчаетъ Гри-

¹⁾ Григорія Двоеслова (?). Бесѣды на Евангелія. Русск. пер. Томъ I. стр. 166. Спб. 1860.

²⁾ Тамъ же, стр. 154.

³⁾ Тамъ же, стр. 158—159.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 169.

⁵⁾ Тамъ же, 152—153.

горій, которыми не занимались бы священники“ ¹⁾. „Предаваясь всецѣло мірскимъ занятіямъ, они совсѣмъ забываютъ, что они поставлены заботиться о вѣчномъ спасеніи душъ. Когда есть у нихъ мірскія занятія, то они въ восторгѣ, говоритъ св. Григорій, если же нѣтъ, то ни днемъ, ни ночью не даютъ себѣ покою, придумывая, какъ бы отыскать ихъ. И въ этихъ суетныхъ заботахъ они находятъ величайшее наслажденіе, такъ что они собственно тягостятся отсутствіемъ этихъ заботъ, а не тѣмъ, когда они ежеминутно подавляютъ ихъ“ ²⁾. Къ числу видныхъ недостатковъ въ положеніи духовенства Григорій относитъ и то, что епископы продавали духовныя должности, пятнали себя симоніей ³⁾. Григорій необинуясь думаетъ, что различныя бѣды, какія постигали въ его время общество, суть наказаніе Божіе за нечестіе священниковъ ⁴⁾. Вообще онъ замѣчаетъ, что „священники нечестивою жизнію поспѣшаютъ къ адскимъ наказаніямъ“ ⁵⁾. Западные соборы съ VI в. указываютъ множество самыхъ печальныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о нравственномъ растлѣніи духовенства. Соборъ Нарбонскій VI вѣка свидѣтельствуешь, что епископы слишкомъ обременяли клириковъ различнаго рода поборами ⁶⁾. Соборъ Толедскій VII в. указываетъ, что нѣкоторые епископы до чиста обирали деньги, принадлежавшія извѣстной церкви, такъ что ничего не оставалось ни на долю клириковъ, ни на благоустройство храма ⁷⁾. Другой соборъ Толедскій того же вѣка свидѣтельствуешь, что визитаціи епископскія извѣстныхъ приходоу настолько были обременительны для духовенства, что настала забота, чтобы уменьшить подобныя наѣзды ⁸⁾. Въ срединѣ VI вѣка собранъ былъ соборъ въ Лионѣ для суда надъ двумя епископами, обвинявшимися въ насиліяхъ различнаго рода: смертоубійствѣ, прелюбодѣянніи и другихъ тяжелыхъ преступленіяхъ, и соборъ призналъ ихъ винов-

¹⁾ Тамъ же, стр. 170.

²⁾ Правило Пастырское, стр. 63—64.

³⁾ Бесѣды на Евангелія. Т. I, 165.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 171.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 174.

⁶⁾ Hefele. Conciliengeschichte. B. III, S. 53. Freib. im Br. 1877.

⁷⁾ Hefele, *ibid.* S. 83.

⁸⁾ Hefele, *ibid.*, S. 95.

ными ¹⁾. Одинъ изъ германскихъ соборовъ VIII вѣка указываетъ на распространеніе прелюбодѣянія и другихъ плотскихъ пороковъ въ духовенствѣ: діаконы имѣли по 4 и 5 конкубинъ и это однако не мѣшало имъ восходить къ высшимъ достоинствамъ — до епископства включительно, достигнувъ котораго они оставались по прежнему порочными. Другіе епископы были пьяницами, развратниками, страстными любителями охоты ²⁾. На другомъ соборѣ того же VIII-го вѣка открылось, что одинъ епископъ позволялъ себѣ вещь кощунственную: построилъ капеллы въ честь собственнаго имени и заставилъ молиться въ нихъ. Тотъ же соборъ перечисляетъ и другія преступленія духовенства, въ Германіи ³⁾.

Каково было нравственное состояніе духовенства на Востоку, въ позднѣйшія времена древней церкви, послѣ V вѣка, объ этомъ даютъ намъ понятіе прежде всего правила соборовъ Трулльскаго и VII-го вселенскаго. Здѣсь мы снова встрѣчаемся съ указаніями на тѣже пороки духовенства, какіе замѣчались въ немъ и раньше. Тоже злоупотребленіе церковными доходами, тоже корыстолюбіе, таже роскошная жизнь, когда позволяли это средства и проч. Но къ такимъ уже извѣстнымъ изъ прежней исторіи недостаткамъ присоединяются еще новые и новые. Появились занятія въ духовенствѣ, которыя заслуживали полнѣйшаго порицанія. Такъ одни изъ клириковъ содержали корчемницы (Трул., прав. 9), а другіе—даже дома терпимости (Трул., прав. 86). Нѣкоторые изъ епископовъ возводили на подчиненныхъ имъ клириковъ различныя мнимыя преступленія и налагали епитимію, а потомъ за золото и серебро прощали мнимыхъ виновниковъ (VII-го вс. соб. прав. 4). Какъ мало даже самыя первые изъ іерарховъ заботились объ интересахъ церкви, объ этомъ можетъ давать представленіе слѣдующій фактъ. случившійся въ царствованіе Юстиніана II (кон. VII и нач. VIII в.). Императоръ Юстиніанъ II захотѣлъ разрушить одну церковь, сооруженную въ честь Богоматери, съ тѣмъ чтобы на этомъ мѣстѣ устроить ложи для цирковой партіи т. н.

¹⁾ Hefele, *ibid.* S. 21.

²⁾ Hefele, *ibid.* S. 498.

³⁾ Hefele, *ibid.* S. 514.

голубыхъ. Но императоръ не рѣшается прямо взяться за это дѣло. Его мучитъ совѣсть. И вотъ онъ требуетъ отъ константинопольскаго патріарха, чтобы тотъ благословилъ разрушеніе храма, прочиталъ бы, приличествующую случаю, молитву. Патріархъ сначала было отказывался исполнить требованіе императора, представляя въ свое оправданіе то, что онъ знаетъ, какія молитвы читаются при созданіи храмовъ, но что ему неизвѣстны молитвы, какія произносились бы при ихъ разрушеніи. Тѣмъ не менѣе воля императора взяла верхъ. Слабый угодливый патріархъ уступилъ, рѣшился произнести слѣдующую молитвенную формулу, освящая разрушеніе храма: „слава и честь Богу, долготерпящему всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“¹⁾. Въ духовенствѣ разсматриваемаго времени въ особенности замѣчается забвеніе о томъ, что оно—пастыри душъ, что сюда должны быть направлены его помыслы и стремленія. Такъ какой-то анонимный авторъ посланія къ императору Константину Копрониму, дошедшаго до насъ съ именемъ Іоанна Дамаскина, какъ можно думать, монахъ или вообще какое-либо духовное лицо, пишетъ: „Епископы нашего времени только и заботятся о лошадахъ, о стадахъ, о полевыхъ угодыяхъ и денежныхъ поборахъ,—о томъ, какъ бы повыгоднѣе продать свою пшеницу, какъ лучше разливать вино, какъ продавать масло, какъ прибыльнѣе сбыть шерсть и шолкъ-сырецъ, и разсматриваютъ тщательно только цѣнность и вѣсъ монеты; они старательно наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы столъ ихъ ежедневно былъ сибаритскій—съ виномъ благовоннымъ и рыбами величины необычайной. Что же касается паствъ, то о душахъ пасомыхъ нѣтъ у нихъ ни малѣйшей думы. Пастыри вѣка сего истинно стали, по выраженію Писанія, волками. Какъ только замѣтятъ они, что кто нибудь въ подвѣдомой имъ паствѣ совершилъ хотя бы малый какой проступокъ, мгновенно воспрянуть и разразятся всевозможными эпитиміями, нисколько не помышляя при этомъ о дѣйствительномъ назначеніи пастырскаго служенія, относясь къ паствѣ не съ помыслами пастырей, а съ расче-

¹⁾ Теофана. Лѣтопись, стр. 270. У этого же писателя есть указанія на существованіе исключительной порочности даже въ средѣ епископовъ разсматриваемаго времени, именно VI вѣка стр. 137).

томъ наемныхъ поденщиковъ“ ¹⁾. Разумѣется, историкъ долженъ относиться къ этому безыменному свидѣтельству съ осторожностію и принимать его съ ограниченіями; но тѣмъ не менѣе можно утверждать, что такіе пастыри могли быть хорошими помѣщиками, но очень мало надежными руководителями душъ.

А. Лебедевъ.

¹⁾ Migne. Patrologiæ cursus. Gr. Ser. Tom. 95, col. 329 (Oration. advers Constantinum Cabalinum).